

The background of the cover is a painting of a rural landscape. In the foreground, a river flows, with a person standing on a small boat or platform. The middle ground features a large, light-colored house with a gabled roof, surrounded by trees and a fence. The background shows a hazy, distant landscape under a cloudy sky. The overall style is impressionistic, with visible brushstrokes and a muted color palette.

Алона Китта

*Цветы
на мостовой*

роман

Алона Китта

Цветы на мостовой. Роман

«Издательские решения»

Китта А.

Цветы на мостовой. Роман / А. Китта — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-969052-4

Действие романа происходит в Лондоне середины 19 века. Любовь и страсть, благородство и преступление — вот некоторые составные текущей жизни. Не все рождаются с серебряной ложкой во рту; не для всех жизненный путь выстлан ковровой дорожкой. Иногда борьба за место под солнцем приводит в преступный клан, но как же трудно потом его покинуть? Бывает так, что внешне благополучные господа опускаются до низости души и обмана, тогда как и в заблудших сердцах порой сверкнет искорка доброты и искренности.

ISBN 978-5-44-969052-4

© Китта А.
© Издательские решения

Содержание

В кварталах туманного Лондона	6
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Цветы на мостовой

Роман

Алона Китта

© Алона Китта, 2019

ISBN 978-5-4496-9052-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В кварталах туманного Лондона

Глава 1

Весна 1871 года в Лондоне наступила поздно и была холоднее обычного. В начале апреля все еще лежал снег, вечерами подмораживало, и ничто не указывало на возможные перемены погоды. С Темзы дул такой сильный пронизывающий ветер, что даже ко всему привыкшие лондонцы ворчали. Вечерами город быстро пустел, а редкие прохожие спешили нырнуть в метро или взять кэб.

Впрочем, жизнь в Лондоне не прекращалась и в ненастье: магазины, кафе, рестораны, пабы – все были заполнены до отказа.

Правда, многие забегали только погреться, но постоянные посетители не изменяли своим привычкам из-за морозящего дождя или сырого ветра.

В те времена в Кэмдене возле рынка находился ничем не примечательный паб. Ни меню, ни обстановка не выделяли его из ряда ему подобных. Возможно, только его название звучало немного странно – «Веселая лошадь». Кто и почему дал пабу такое прозвище, неизвестно. Возможно, причиной послужил барельеф, висевший над входом и изображавший лошадиную морду с развевающейся гривой. Возможно...

В этот холодный апрельский вечер все столики были заняты, у стойки толпился народ. Пиво лилось рекой, слышался гул голосов, люди входили и выходили, создавая нечто похожее на броуновское движение.

И лишь компания, сидевшая в самой глубине зала, не двигалась с места. Четверо мужчин, по виду и по одежде ничем не напоминающие аристократов, сгруппировались вокруг невысокого крепыша с широким обветренным лицом. Тот явно считался за главного, уж слишком почтительно обращались к нему собеседники, а он, в свою очередь, выслушивал их так, как большой начальник своих подчиненных.

Крепыша звали Джереми Барнет, лет ему было тридцать восемь, и он в самом деле являлся боссом – руководителем местной банды, промышленявшей грабежами и рэкетом. Читатель запротестует: вот только не надо нам рассказывать о криминальных элементах! Да и имелись ли таковые в процветающей викторианской Англии? Имелись, и еще какие! И дело не в том, что Скотленд-Ярд и полиция ничего не предпринимали для их поимки. Просто всегда, во все времена людей обуревали страсти, и самые сильные – жажда власти и денег.

Джереми Барнет не был лондонцем по рождению – двадцать лет назад он прибыл в столицу из Шеффилда с одним маленьким чемоданчиком и тремя фунтами в кармане. Сколько таких соискателей счастья покидают родные места в провинции, чтобы разбогатеть в Лондоне, но сколько из них возвращаются ни с чем...

Джереми повезло, но до этого он перепробовал множество занятий, пока кривая дорожка не привела его в криминал. Деньги потекли в его карман с относительной легкостью, и он понял, что наконец-то поймал птицу удачи. Не будем вдаваться в подробности карьеры босса – он ни разу не попался, а к началу нашего повествования держал в руках весь Кэмден.

Барнет и его люди выбрали паб «Веселая лошадь» для проведения совещаний. Как хорошо было совмещать приятное с полезным – разговаривать о делах, попивая золотистый эль. Хорошо, но не сегодня. Новости, принесенные боссу его подручными, не радовали. Джереми чуть не задохнулся от возмущения, узнав, что какие-то чужаки творят свои дела на его территории.

Глава 2

Джереми догадывался, кто омрачал его существование и любыми способами влезал в дела. Только один человек в Лондоне, да и во всей Англии, мог противопоставить своих

подручных людям Барнета, и именно потому осмеливался хозяйничать на чужой территории. Этот тип был как бельмо в глазу у Джереми: мешает, а поделаться ничего нельзя! До открытого выяснения отношений между главарями еще не дошло, хотя, казалось, скоро эти двое вцепятся друг в друга.

Обнаглевшего противника звали Чарлз Морстен. Впоследствии появились утверждения, что именно его Конан Дойл изобразил в виде профессора Мориарти. Кто его знает, может быть, так и случилось.

Между Морстеном и Мориарти было много общего: оба происходили из знатных семей, получили прекрасное образование, обладали незаурядным умом и... отчаянно скучали, ведя характерную для лондонского света жизнь. Но только ли скука привела Морстена в преступное сообщество столицы? С одной стороны, юному аристократу не было необходимости добывать кусок хлеба подобно Джереми Барнету. С другой – так хотелось найти применение гибкому уму и кипучей энергии. И Морстен пустился во все тяжкие... Не без труда найдя единомышленников, он разработал план нескольких блестящих криминальных операций, которые, однако, выполнялись чужими руками. Эти операции значительно его обогатили, но Морстен смотрел на сие обстоятельство как побочное. Главное – он избавился от досаждавшей ему скуки...

Жизнь заиграла новыми красками, и даже светские мероприятия перестали раздражать. Он с педантичной регулярностью появлялся в столичных салонах, вращался в высшем обществе, попутно выискивая новое дело. Он демонстрировал безупречные манеры, отличное воспитание и светский лоск, и вскоре о нем заговорили как о блестящем молодом человеке, завидной добыче для лондонских невест. Внешность помогала поддерживать подобное мнение: интересный худощавый блондин, бледный, словно романтический герой... Он и одевался соответственно – в черный костюм безупречного покроя, а к модному темному галстуку всегда прищипливал платиновую булавку с большой жемчужиной.

На момент нашего повествования Морстену исполнилось двадцать семь лет, и из них примерно пять он вел двойную жизнь, о которой, впрочем, никто из светских друзей нашего героя не догадывался. Также никому не было известно о стремительной карьере, сделанной им в преступном мире.

Итак, мы познакомились с двумя криминальными боссами. Позвольте продолжить рассказ и ввести еще одного героя, который призван сыграть главную роль в последующих событиях. Герой этот уже открывает дверь паба, где мы оставили расстроенного Джереми Барнета.

Глава 3

Итак, главный герой нашего повествования уже открывает дверь в паб. Внимательный читатель обернулся и... застыл в недоумении: как? Главный герой – ребенок?

Мальчик лет семи пробирался между столиками, поминутно оглядываясь по сторонам. Казалось, он постоянно ожидал подвоха от окружающих его людей и старался не привлекать к себе внимания. Он шустрой змейкой проскользнул мимо столика, за которым восседал Барнет, но вдруг споткнулся и чуть не упал на увлеченного разговором главаря.

– Ах, простите, сэ-эр! – затараторил мальчик, изобразив на чумазой мордашке глубокое раскаяние. – Поверьте, я не нарочно...

Джереми посмотрел на него с досадой: ну вот, нить застольной беседы потеряна. О чем он только что говорил? Никак не вспомнить! А все из-за этого неловкого малого!

– Брысь отсюда! – рявкнул Джереми. – Что за порядки? Пускают с улицы неизвестно кого. Ты еще здесь?

Мальчик не заставил упрашивать себя дважды и нырнул в толпу.

– Ладно, джентльмены. На сегодня, пожалуй, хватит, – подвел итог мистер Барнет и попросил счет. Его собеседники облегченно вздохнули.

А через минуту обнаружилась пропажа кошелька у Джереми.

Он растерянно смотрел то на цифры счета, то на своих товарищей, одновременно шаря у себя в карманах.

– Не может быть, – прошептал он.

Собеседник, сидевший от него по левую руку, первым сообразил, в чем дело.

– Это мальчишка, стервец такой, украл! – воскликнул он.

– Босс, разрешите, я его поймаю, – предложил тот, что сидел справа.

– А я заплачу за всех, – добавил левый.

Джереми молча кивнул. А через несколько минут маленький воришка был доставлен пред грозные очи криминального главара.

– Ну?! – сердито произнес тот.

Мальчика держали за воротник курточки, он дергался и пытался убежать, однако вскоре понял, что силы неравны, поэтому с глубоким вздохом покорился судьбе и затих.

– Что вы хотите от меня, сэр? – спросил он с некоторым высокомерием. – Право, я удивлен: берут, хватают... Объясните же мне, наконец.

Джереми переглянулся с подручными и усмехнулся:

– Он удивлен, он не понимает. Он, видите ли, требует объяснений. А кто украл мой кошелек?

– Кажется, сэр упомянул о каком-то кошельке? Но я ничего не крал.

Голубые глаза смотрели так безмятежно, словно это ангел с небес взирал на людские пороки!

Джереми приказал обыскать мальчишку, и через мгновение кошелек уже был у него в руках.

– Тебе мама не говорила, что врать нехорошо? А заодно и красть? – поинтересовался Барнет, иронично улыбаясь.

Его ирония не произвела на мальчика никакого впечатления.

– А я нашел этот кошелек у стойки, – заявил юный воришка и добавил: – Смотреть нужно за своими вещами.

Подручные Барнета оторопели от такой наглости, но Джереми заинтересовался этой любопытной персоной. Наглец – да, враль – несомненно, но как он ухитрился залезть в карман, да так, что многоопытный босс ничего не заметил?

– Ладно, – махнул рукой Барнет. – Я готов забыть этот случай и даже отвезу тебя домой к родителям, но ты должен пообещать никогда не делать ничего подобного...

Мальчик вздохнул и отрицательно покачал головой:

– Сэр, я не даю обещаний, которые не в силах выполнить. И домой отвозить не надо.

– Как же ты доберешься один? И вот что, заканчивай с воровством, это до добра не доведет. Что скажет твоя мама?

Мальчик обвел своих противников печальным взглядом, а на его личике явно проступила горечь.

– Некому говорить, – сказал он почти по-взрослому. – Я сирота, сэр, и сам о себе забочусь.

Джереми и его люди переглянулись. Что ж, в то время Лондон кишел бездомными бродягами – и большими, и маленькими. Осколок чужой драмы невольно коснулся еще не зачерствшего сердца Джереми, и тот поймал себя на сочувствии к воришке. Впрочем, вид он напустил на себя суровый, чтобы подручные не догадались о душевной слабости главара.

– Я дам тебе денег, – заявил он.

Мальчик попытался возразить, но Джереми остановил его.

– Я дам тебе денег, – повторил он. – И если тебе понадобится еще, приходи в этот паб, спроси мистера Барнета.

Выделив некоторую сумму мальчику, Джереми тут же начал сожалеть о содеянном. Увы, читатель, вероятно, догадался о главном недостатке в характере босса: Барнет был, мягко говоря, жадноват.

Мальчик же оценил душевный порыв солидного взрослого человека по-своему.

– Почему же Вы так плохо обо мне думаете, мистер Барнет? Разве я давал Вам повод считать, что я не джентльмен? – воскликнул он. – Я всегда отдаю долги, и Ваш отдам непременно.

Выскользнув из цепких рук, державших все это время его воротник, он бросился к двери, обернулся и на прощанье высокомерно бросил:

– Я найду вас, сэр. Слово Майкла Уиллоуби.

Глава 4

Джереми Барнет жил здесь же, в Кэмдене, в одном из небольших серых особнячков неподалеку от Риджентс-парка. Он долгое время снимал квартиру в доме некоей миссис Томсон, пока не пришел к выводу, что платить кому-то – это все равно как оклеивать собственными деньгами чужие стены. Подумав хорошенько, он выкупил жилье у той же миссис Томсон и предложил ей место домоправительницы, на что та с радостью согласилась.

Миссис Томсон, вдова, не имела никаких доходов, кроме сдачи жилья внаем. В своем квартирante, мистере Барнете, она души не чаяла: надо же, такой приятный обходительный мужчина, настоящий джентльмен! Он представился клерком, но проницательная дама заметила кое-какие странности. Да и как не заметить: клерки высидивают на службе от и до, а у мистера Барнета было свободное расписание. Тем не менее миссис Томсон не посмела усомниться в словах своего жильца и только внутренне страшилась того, что когда-нибудь он разбогатеет и найдет квартиру получше. Именно поэтому она согласилась на предложенный Джереми вариант – продать ему половину домика и поступить к нему в услужение.

Со временем проявилась еще одна выгода от проведенной сделки: миссис Томсон переехала на половину Барнета в маленькую комнату возле кухни, а свою половину сдала.

Сегодня верная домоправительница встретила Джереми в большом смущении. Он это понял, как только она отворила дверь: поздоровалась каким-то нарочитым голосом и старалась не смотреть на него.

– Что случилось, миссис Томсон? – с порога поинтересовался Барнет. – Вы на себя не похожи. У нас проблемы с водой или отоплением? А может быть, мясник опять поднял цену на говядину?

Почтенная дама покачала головой:

– И не отопление, и не говядина... Я даже не знаю, как сказать... Короче, ко мне приехала племянница из деревни без предупреждения, и я не знаю, что делать.

Она выпалила это, пока Джереми снимал пальто.

– Племянница? – переспросил он. – Хорошо, миссис Томсон, познакомьте меня с ней.

Ему стала понятна причина ее замешательства: родственнице, вероятно, негде ночевать, а в тетушкиных покоях проживают чужие люди. Комнатка же, занимаемая домоправительницей, настолько мала, что нет никакой возможности втиснуть туда вторую кровать. Скорее всего, она предполагает попросить Барнета сделать ей одолжение и разрешить устроить свалившуюся как снег на голову родню в свободной комнате. Что ж, он не будет против, если чужое присутствие будет недолгим.

А через секунду Джереми отбросил всякие возражения, как только племянница миссис Томсон вышла к ним и поздоровалась.

Она была совсем юной, не более двадцати лет, хрупкая, светловолосая, с кротким выражением лица – прекрасная, как ангел. От смущения она говорила тихо, но ее голос звучал для Джереми нежной музыкой. Правда, одежда ангела была более чем скромной, но платье легко сменить.

«Особенно если найдется солидный мужчина, который об этом позаботится», – мелькнула у него шальная мысль, дополненная острым желанием стать этим самым благодетелем для понравившейся ему девушки

Понравившейся? Ах, Джереми, не лукавьте хотя бы наедине с собой! Грозный криминальный главарь влюбился с первого взгляда в племянницу миссис Томсон – как, кстати, ее зовут?

– Как вас зовут, мисс? – повторил он вслух.

– Мэри, – прошелестел ее голосок.

Мэри. Мария. Ну конечно, Мария, только так мог называться ангел.

– Миссис Томсон, устраивайте девушку здесь внизу, – обратился он к домоправительнице. – Можете занять любую комнату. Да, кстати, я уже пообедал на службе.

Даже в такой момент он не вышел из роли клерка.

Глава 5

Интерес, проявленный мистером Барнетом к Мэри, не скрылся от пристального взора миссис Томсон, да, впрочем, и не удивил ее. Еще бы, племянница выросла и стала удивительной красавицей. Не годится такой красоте пропадать в деревне. Стать женой арендатора и положить жизнь на алтарь домашнего хозяйства? Пусть это будет судьбой дурнушек, а Мэри... другое дело. В Лондоне и перспектив побольше, и публика разнообразнее.

Одинокая бездетная миссис Томсон была готова поучаствовать в устройстве судьбы племянницы, хотя бы свести ее с мистером Барнетом. Ишь как он загорелся, едва увидев ее! Расстаял, словно масло на сковороде, а глаза заблестели, да и смотрел он на нее, не отрываясь.

А что, чем черт не шутит, пока бог спит! А вдруг выгорит задумка! Хорошо бы он на ней женился – о лучшем муже Мэри и мечтать бы не могла.

– Да он же старый! – мысленно возразила ей Мэри, на что так же мысленно тетушка Томсон ответила ей:

– Муж должен быть старше жены. Какой же он старый – ему всего тридцать восемь.

– Да, но мне-то восемнадцать.

Размышления миссис Томсон были прерваны необходимостью устраивать комнату для Мэри. Девушка, не подозревая о матримониальных планах тетушки и мысленном разговоре с ней, помогала устраивать постель и попутно рассказывала о смерти матери, новой женитьбе отца, придирках и попреках мачехи и надеждах на лучшее будущее в столице.

– Не подумайте, тетя, что я буду вам докучать, – я найду работу, начну зарабатывать и сниму жилье где-нибудь поблизости.

– Дитя, а что ты умеешь делать?

Тетушка попыталась спустить племянницу с небес на землю, но та ее не слушала. Жизнь в Лондоне казалась прекрасной, сияющей блеском витрин, манящей театральными постановками и новинками моды.

Работа? А что работа? Мэри умеет готовить и вести домашнее хозяйство – разве мало вакансий прислуги?

– Так-то оно так... – замялась тетушка Томсон, осведомленная о подводных камнях на пути юной девушки.

Она взглянула в восторженное лицо Мэри и вымолвила:

– Вот что, дорогая, тебе необходимо выйти замуж.

Глава 6

В эту ночь Джереми почти не спалось – одолевали думы о Мэри. Из жизненного опыта ему было ясно одно: чтобы покорить любую женщину, надо только не скупиться. И хотя Барнет нелегко расставался с деньгами, но приходилось иногда. Он готов был применить эту тактику

по отношению к юной красавице, но тут же поймал себя на мысли, что не хотел бы обнаружить в ней такие качества, как жадность и продажность. Иначе ангел перестанет быть ангелом...

Что же делать? Ухаживать? Но он давно позабыл, как это делается. Помнится, в молодости в Шеффилде дарил цветы и водил на ярмарку дочку мельника. Водил напрасно – девушка выбрала другого, а Джереми дал клятву никогда ни к кому не привязываться. И сдержал бы ее, если бы племяннице миссис Томсон не вздумалось приехать в Лондон.

Он крутился с боку на бок, а мысли его вертелись возле одного: нужно выкинуть из головы Мэри, иначе нарушится его упорядоченная жизнь. Кроме того, он рискует потерять авторитет у сообщников, а потеря авторитета грозит потерей статуса, а это чревато... В самом деле, что скажут парни, увидев своего босса рассиропившимся? И Джереми принял решение избегать Мэри, насколько это возможно. Как говорится, с глаз долой – из сердца вон.

Утром он едва поздоровался с домоправительницей и завтракал без аппетита. Мэри не появлялась, и яркие краски апрельского утра для него померкли. Мир вокруг него оставался таким же, как всегда, но куда-то исчезла переполнявшая сердце со вчерашнего вечера радость. Жить в этом сером мире было невмоготу.

– А где ваша племянница? – спросил наконец Барнет, изо всех сил стараясь изобразить безразличие. – Она еще спит?

Миссис Томсон посмотрела на него укоризненно:

– Что вы, мистер Барнет, Мэри – деревенская девушка, она встает с петухами. Я отправила ее на рынок.

– Она не заблудится? – встревожился Джереми. Теперь настала его очередь смотреть с укоризной: домоправительница, очевидно, рехнулась: девушка второй день в Лондоне!

– Она пошла не одна, а с соседской прислугой, – успокоила его Томсон. – А та знает Кэмденский рынок как свои пять пальцев.

Домоправительница собирала посуду и болтала без умолку. По всему было видно, что ей нужен не собеседник, а слушатель – так великолепно она солировала. Тема ее болтовни касалась племянницы, причем создавалось впечатление, что на этот раз тетушка решила выступить в роли свахи. По ее словам выходило, что хозяйственная и аккуратная Мэри будет прекрасной женой порядочному джентльмену.

Если бы впечатление, произведенное Мэри на Барнета, было менее благоприятным, то, вероятно, он сбежал бы куда подальше от таких разговоров, но в данном случае тетушкины похвалы звучали для него нежной музыкой. В самом деле, он был готов хотя бы послушать про Мэри, если не мог ее увидеть в утренние часы.

– Ту-ту-ту, ру-ру-ру, – тетушкин голос доносился уже из кухни. Кажется, почтенная дама уже пошла по второму кругу. Чтобы остановить ее, Барнет неожиданно для себя произнес:

– Я хочу поухаживать за вашей племянницей, миссис Томсон. Вы не будете против?

И, немного помолчав, добавил:

– С серьезными намерениями, разумеется.

Глава 7

Наступила счастливая пора для Барнета и Мэри. Лондонский апрель сменил наконец-то гнев на милость, и в городе установилась солнечная теплая погода, что было на руку нашим влюбленным. Влюбленным? Помилуй бог, в чувствах Джереми нельзя было сомневаться, а вот Мэри... Кто поручится, что юная девушка, будучи моложе своего кавалера на двадцать лет, непременно воспылет к нему? Что-то я здесь не вижу поручителей, и это правильно.

Вначале Мэри поддалась на уговоры тетушки и позволила Барнету сопровождать ее в театр. Ей даже неловко было ехать в экипаже с человеком, который по возрасту годился ей в отцы, но по мере того, как она больше и больше узнавала Джереми, начинала восхищаться его характером, манерами, эрудицией – короче, им самим.

Мэри не верила своему счастью: такой необыкновенный человек обратил на нее внимание! На нее – простую деревенскую девчонку, которая в жизни ничего не видела, кроме отцовской фермы. А как он интересно рассказывает – он, наверное, знает обо всем на свете! И нежадный – может быть, потому, что богат?

Очевидно, мистер Барнет родился с серебряной ложкой во рту...

О службе он почти ничего не рассказывал, только упомянул, что работает в Сити и работа связана с благотворительностью. Сдержанность добавила ему очков в той высокой оценке, которую намеревалась поставить своему кавалеру Мэри. Не рассказывает – не хочет похваляться.

Реестр истинных и мнимых достоинств Джереми дополнил один случай...

Однажды вечером Джереми и Мэри вернулись с прогулки и уже намеревались войти в дом, как вдруг их остановил оклик ребенка:

– Эй Вы, мистер, стойте!

Они обернулись и обнаружили позади них детскую фигурку, вынырнувшую из темноты. Джереми узнал мальчика из паба, которому он пару недель назад подарил немного денег – не иначе, на босса нашло затмение!

Мальчик, по-прежнему чумазый, одетый в ту же серую курточку не по росту, стоял и шмыгал носом. Мэри переводила удивленный взгляд с Барнета на маленького бродяжку и ждала развития событий.

– А чего это Вы, мистер, не появляетесь в «Веселой лошади»? – поинтересовался малыш несколько нагло.

– А я что, обязан там появляться? – в тон ему ответил Джереми. – По-твоему, я и поселиться там должен?

– О нет. Я вижу, у Вас теперь другие интересы.

Мальчик выразительно взглянул на Мэри, отчего она смутилась.

– Вот уж это тебя не касается. Что тебе нужно, юное дарование? Говори поскорей и иди своей дорогой.

Барнет встревожился: а ну как мальчишке придет в голову поведать миру, где и с кем проводит свои вечера «законопослушный гражданин, занимающийся благотворительностью». И так уже из его уст вырвалось название «Веселая лошадь». Начни Мэри копать, задавать вопросы – и рухнет положительный образ, тщательно создаваемый Джереми в последние дни.

Юный наглец тем временем сунул руку в карман и вытащил оттуда горсть монет.

– А чего за долгом не приходите? – спросил он нелюбезно. – Или очень богаты?

Он критически осмотрел дом и, кажется, остался доволен.

– Ну, как тебе мое жилище? – кивнул головой Барнет в сторону дома, поймав заинтересованный взгляд мальчика.

– Жить можно, – согласился тот и снова вернулся к прежней теме: – Так деньги-то возьмите. Я же Вам сказал, что Майкл Уиллоуби всегда отдает долги.

– А кто этот Майкл Уиллоуби? – наконец и Мэри вступила в разговор.

– Кто? – повторил Джереми. – Да вот он. Я дал ему денег, чтобы он мог купить себе еды, а он решил, что это в долг.

– Да, я так решил.

Мальчик силой стал засовывать монеты в руку Барнета, но был остановлен поймавшей его за воротник Мэри.

– Постой! – воскликнула она. – А где ты живешь? Где твои родители?

– Нигде. Я – сирота.

– Но ты, наверное, живешь в сиротском приюте?

– Я не овечка, мисс, чтобы ходить стадом.

– Так значит, на улице?

Мальчик пожал плечами – мол, понимаете, как хотите, а в его положении откровенничать может быть опасно.

Мэри же, пораженная его ответом, с надеждой посмотрела на Джереми:

– Мистер Барнет, это по Вашему ведомству, не так ли?

Ее голос звучал тихо, а глаза умоляли что-то сделать для мальчика.

Если Джереми и колебался, то это длилось не более минуты. Что ж, он исполнит любое желание Мэри!

Он решительно взял за руку мальчика и голосом, не допускающим возражений, заявил:

– Сегодня ты ночуешь в моем доме, Майкл Уиллоуби!

Глава 8

Сказать, что миссис Томсон рассердилась, увидев маленького бродяжку, значит не сказать ничего – почтенная дама пришла в ярость!

Как! В чистые комнаты мистера Барнета войдет этот грязнуля! Посмотрите на его лицо, руки, одежду! На его ботинки, наконец: мало того что они просят каши, так с них в передней натекла громадная лужа.

А мистер Барнет и Мэри не обращают никакого внимания на ее недовольство, держат этого мальчишку за плечи, тормошат, балагурят с ним...

Одно лишь примирило ее с происходящим – это перемена в отношении Мэри к своему спутнику: видно было, что ей не просто приятно находиться в его обществе – она им восхищается, а, как известно, от восхищения и до любви недалеко.

Мальчик топтался у порога. На миссис Томсон он посматривал исподлобья, чувствуя недовольство последней. Не разобравшись в иерархии, он посчитал пожилую солидную даму хозяйкой, поэтому испугался, что та выставит его из дома без объяснения причин. А Майклу так не хотелось возвращаться на улицу!

Он успел заметить и красивую лампу, и горящий огонь в камине, и вкусные запахи из кухни. Пусть у его родителей жилье было поменьше и поскромней, но это был дом, хороший, уютный дом, в котором проживала счастливая семья. Жаль, что все ушло...

Майклу сделалось грустно – так всегда бывало, стоило ему вспомнить о родном доме, но в это время прекрасная спутница того джентльмена, что одолжил мальчику денег, отправилась готовить ванну.

Ванну? Для кого? Майкл встревожился: неужели для него? Но ведь он не хочет! К тому же хозяйка подозрительно поглядывает на одежду и ботинки; он разденется, а она выбросит все на помойку?

Что делать? Может быть, сбежать? На улице стемнело и похолодало, а здесь так тепло...

Джереми сам отнес сопротивлявшегося мальчика в ванную комнату, а как только его отмыли и завернули в полотенце, то оказалось, что малыш прехорошенький – и впрямь похож на маленького ангела. Чистые волосы из черных стали каштановыми, кожа – молочно-белой, а черты лица поражали правильностью и красотой.

– Вот это да! – воскликнул Джереми удивленно. – Ты, случайно, не принц крови?

– Я не принц, я Майкл Уиллоуби, – ответил мальчик, зевая.

– Это мы уже слышали, – пробормотал Барнет, взяв его на руки прямо в полотенце. Через мгновение голова Майкла уже покоилась на широком плече Джереми, а сам он моментально уснул.

При виде такой картины миссис Томсон открыла рот, чтобы высказаться по поводу происходящего, но не решилась разбудить нежданного гостя и тем самым вызвать недовольство потенциального зятя. А тот знаками показал на свою комнату и там с помощью Мэри уложил сонного мальчика в кровать, а потом так же знаками вывел всех в коридор и плотно закрыл дверь.

Только здесь миссис Томсон смогла излить свои чувства, правда, теперь ее терзали опасения, что юный бродяжка ночью ограбит их дом.

– Вынесет все, и мы закончим наши дни в долговой тюрьме, – объявила она.

– Не преувеличивайте, миссис Томсон, ничего не произойдет, к тому же для того, чтобы очутиться в долговой тюрьме, надо как минимум наделать долгов, а у нас их нет, – успокоил Джереми.

– Тетя, он так измучен, уснул и даже не поел ничего, – еле слышно промолвила Мэри.

– Ладно, мистер Барнет, вы можете приглашать к себе кого угодно, я же о вас забочусь. Но не думаете ли вы, что я постираю вот это?

Домоправительница кивнула на жалкую кучку грязной одежды, но Барнет отрицательно покачал головой:

– Выбросьте немедленно эти тряпки, а мальчику завтра с утра купите новую одежду. Да не скупитесь!

Он развернулся в свою комнату, но, вспомнив о свернувшемся калачиком на его кровати госте, заявил дамам:

– Я устроюсь в гостиной.

Глава 9

Майкл сидел в столовой и ел овсянку, следя глазами за передвижениями миссис Томсон: она по-прежнему внушала ему страх. Домоправительница складывала в ящик крахмальные салфетки и тоже посматривала на Майкла, но уже без той неприязни, с которой она встретила его вчера. Чистый, причесанный, одетый в новую одежду, он ей даже внушал симпатию, однако пожилая дама сурово хмурила брови и поджимала губы, не желая выявить свои истинные чувства.

Впрочем, она добилась только того, что запугала Мэри. Девушка недоумевала, почему сердится тетюшка Томсон, ведь она сделала все, что просил мистер Барнет: купила красивую одежду, подстригла мальчику волосы и ногти, накормила его. Застенчиво улыбаясь, Мэри положила перед малышом большой леденец, купленный ею на базаре.

– Это мне? – удивился Майкл, и Мэри кивнула в ответ.

Его глаза засияли от счастья: одежда, вкусный завтрак, замечательная конфета – не слишком ли много хорошего для одного дня? И фортуна в лице миссис Томсон решила, что слишком.

– Дай-ка сюда, – сказала она и спрятала леденец в карман фартука со словами:

– Детям вредно сладкое.

«И кто это придумал?» – кричало все существо мальчика, но вслух он не осмелился произнести ни слова, только надулся, будто собирался заплакать. Леденец, который он не успел попробовать, казался ему самым вкусным из всех кондитерских изделий.

А злая тетка обидела не только маленького Майкла – вон как расстроилась красивая девушка Мэри, перестала улыбаться и съезжилась от ледяных взглядов Томсон. Возможно, милая Мэри тоже хотела съесть конфету – Майкл с ней непременно поделился бы, а теперь придется пить пустой чай.

Ладно, погоди, злыдня! Я не позволю тебе обижать беззащитную племянницу. И хозяину дома жаловаться не буду – сам восстановлю справедливость.

– Наелся? – прикрикнула похитительница конфет. – Так иди в гостиную.

Майкл послушно сполз со стула и пошел к двери. А через полчаса обнаружилось его исчезновение.

Вернувшийся домой под вечер мистер Барнет нашел тетю и племянницу в слезах: пропал Майкл, после завтрака его никто не видел. То, что расстроена Мэри, было понятно – у девушки золотое сердце, но Томсон...

Однако именно домоправительница горько рыдала, а Мэри, всхлипывая, ее утешала.
– Это я во всем виновата, я отобрала у бедного малыша леденец, – причитала Томсон.

Понять, что произошло, было невозможно, но постепенно, перебивая друг дружку, дамы изложили суть дела. Джереми невольно вздохнул: вот оно, решение проблемы, называемой Майкл Уиллоуби! Мэри, кажется, была готова привязаться к мальчишке, а Барнету пришлось бы и дальше изображать благотворителя. Это, конечно, льстит самолюбию, но во что бы это вылилось в финансовом выражении?

– Да, скверно, скверно, – заявил Джереми. – А я-то собирался поселить мальчика у нас. В дальнейшем, возможно, усыновил бы...

– Ах, мистер Барнет, как вы добры и великодушны! Я никогда не встречалась с таким благородством! – воскликнула Мэри. – Вы – самый лучший, вы необыкновенный!

Лицо девушки сияло тем необыкновенным светом, который называется светом любви. Сердце Джереми дрогнуло: неужели?

Он смотрел на нее, не отрываясь, словно гипнотизировал, и она не сводила восхищенного взгляда с любимого мужчины.

– Любите ли вы меня, Мэри? – спросил он, затаив дыхание.

Часы в столовой отбивали время, и несколько секунд кануло в вечность, пока он не услышал долгожданное «да».

Очарование этого мгновенья нарушило покашливание тетушки Томсон:

– Мистер Барнет, так дела не делаются. Вы вынудили мою племянницу открыться вам, а сами? Вы что же, хотите посмеяться над чувствами бедной Мэри?

Домоправительница, только что горько рыдавшая, вытерла слезы и метала молнии в сторону своего жильца.

– Как вы могли так подумать, миссис Томсон! Я же вам сразу сказал, что у меня серьезные намерения.

Джереми снова обратился к Мэри:

– Верьте мне, дорогая. Если вы согласитесь разделить со мной мои дни, то...

Он замялся, но девушка уже улыбнулась.

– Я согласна, – сказала она, – но при одном условии, что мы не оставим Майкла.

Глава 10

После объяснений, восторгов, предложения руки и сердца наша троица вернулась к тому, с чего начался этот вечер, – к вопросу, а куда девался Майкл Уиллоуби? Джереми заметил, что дамы готовы к новому этапу рыданий, но утешать обеих не входило в его планы.

– Мы никогда его не разыщем, если будем проливать слезы и все, – заявил он.

– А что же делать? – растерялась Мэри.

Она бросила на своего будущего мужа взгляд, полный надежды: если не Джереми, то кто способен руководить данной ситуацией?

– Вы осмотрели дом?

– Мистер Барнет сомневается в наших умственных способностях? Конечно, осмотрели, – гордо сообщила миссис Томсон.

– И никого не нашли, – вздохнула Мэри.

– Спрашивали у соседей? Может быть, кто-то видел, куда ушел мальчик?

Дамы переглянулись и отрицательно покачали головами.

– Ну как же так? – В голосе Барнета послышалась укоризна.

– Мистер Барнет, наши соседи – порядочные люди. Они не вмешиваются в личную жизнь окружающих, у нас это не принято.

Миссис Томсон попробовала возмутиться, но Барнет только усмехнулся в ответ... Не вмешиваются...

Может быть, и не вмешиваются, но то, что следят из окна за всеми их передвижениями, это точно! Особенно выросла их активность с появлением Мэри.

– Полагаю, нужно пойти к соседям. И пойдете к ним вы, миссис Томсон, – заключил он. – Я тоже поброжу по улицам. . .

Он неопределенно махнул рукой, вовсе не желая докладывать дамам о своих планах. А он уже наметил маршрут – от дома до «Веселой лошади», а оттуда, в случае отсутствия Майкла, прямо в Риджентс-парк: мальчик мог ночевать где-нибудь среди беседок и павильонов после закрытия.

– Вы правы, мистер Барнет, – отозвалась домоправительница. – Я поинтересуюсь у соседей, пока никто не спит.

– А я? – подала голос Мэри. – Тетя, я провожу вас, только надену накидку.

– И то правда – вдвоем сподручнее, – обрадовалась Томсон.

Мэри поспешила за накидкой, а через минуту вернулась, загадочно улыбаясь.

– Идите сюда, – позвала она домашних, и те послушно проследовали за ней.

Картина, представшая перед их взорами, впечатляла: на узкой кровати Мэри спал Майкл. Он так и не снял полученную утром новую одежду. На маленьком прикроватном столике валялись разноцветные леденцы – братья-близнецы того, отобранного миссис Томсон. Последним штрихом, так сказать вишенкой на торте, было кольцо с огромным камнем.

Джереми сразу определил стоимость кольца – полшиллинга в базарный день. Подобными изделиями бойко торговали на Кэмденском рынке.

Он уже приготовился сказать невесте, чтобы та спрятала эту «красоту» куда подальше, но неожиданно из его уст вырвалось совершенно другое:

– Видите, мисс Мэри, малыш приготовил вам подарок на помолвку.

– Верно, – заулыбалась девушка и взяла в руки кольцо.

Пока она вертела его в руках и рассматривала со всех сторон, Барнета вдруг охватило смущение: пусть в роли жениха он пребывал менее получаса, но купить памятное колечко для любимой не догадался! Эх, Джереми, Джереми, жаль, что никто никогда не учил тебя хорошим манерам. . .

– Простите меня, мисс Мэри, я оказался не столь сообразителен, как наш юный друг, – повинился Барнет. – Но я вам обещаю подарить все, что захотите.

Он и сам испугался своего заявления – а вдруг запросы Мэри превысят его возможности?

Она же, примерив кольцо, успокоила жениха:

– Ничего не нужно, мистер Барнет, совсем ничего. Я люблю Вас ради Вас самих, а не ради подарков и приобретений.

Она подумала и добавила с лукавой улыбкой:

– Впрочем, одно приобретение я бы все-таки сделала. Помните, Вы сказали, что хотели бы усыновить Майкла?

Джереми понял, что попался в собственную словесную ловушку, и. . . согласно кивнул головой.

Глава 11

Узнав о намерении Джереми Барнета усыновить его, Майкл пришел в смятение. Мэри переглядывалась со своей тетушкой, и на лицах обеих дам читалось недоумение.

Сначала Майкл не хотел ничего рассказывать о себе, но постепенно взрослым удалось вытащить некоторые подробности.

– Я боюсь, что вы мне дадите свою фамилию, и тогда мой брат не сможет меня разыскать, – заявил он.

Все собрались в гостиной за круглым столом, и Майкл Уиллоуби занимал место наравне со всеми.

– Ты никогда не упоминал о брате, – проговорил Джереми, а про себя подумал, насколько верна пословица о том, что ни одно доброе дело не остается безнаказанным.

– К слову не пришлось. – Майкл говорил серьезно и спокойно, как будто заранее обдумал каждое слово. – У меня есть брат Джон, но его похитили из приюта.

История братьев Уиллоуби не представляла собой нечто из ряда вон выходящее. Родились в небогатой семье в Ист-Энде, Майкл старше Джона на шесть лет. Жили весело, дружно, счастливо; старшие заботились о младших, и казалось, так будет всегда.

Счастье закончилось внезапно: однажды ночью загорелся их дом, родители успели вытолкнуть полуодетых сыновей из окна, благо было невысоко, а сами спастись не успели.

Что ожидает осиротевших детей? Понятно, скудная жизнь в приюте. Майкл никогда не забудет этот день, когда их с Джоном привезли в неприметный серый дом за забором. Их окружили дети разных возрастов, одетые одинаково. Воспитанники хмуро смотрели на вновь прибывших, и неясно было, сочувствуют они или злорадствуют.

– Бедняжки, – всхлипнула миссис Томсон. – Вас, наверное, плохо кормили и обижали в приюте?

– Я знал, что в приюте не будет так, как дома. Кормили плохо, а обижать... Пришлось подражаться. И не один раз.

Хотя по принятым правилам дети из одной семьи не разлучались, но малышу Джону едва исполнился год, и, понятно, он нуждался в уходе.

Его поместили в немногочисленную группу совсем маленьких. Майкла никто не спрашивал, однако он посчитал, что так будет лучше для Джона, тем более братья могли видеться каждый день на прогулке.

Пару месяцев все так и было, пока в один из дней Майкл не обнаружил исчезновение брата.

– И что же ты предпринял? – поинтересовался Барнет.

– Я спрашивал у нашего директора, но напрасно: он раскричался, мол, кто это такой – Джон Уиллоуби? Не было никакого Джона Уиллоуби! А потом в наказание посадил меня в кладовку.

– За что?!! – одновременно воскликнули тетя и племянница.

Майкл пожал плечами, а Джереми усмехнулся:

– Ну это же так ясно. Скорее всего, младшего Уиллоуби отдали на усыновление, а старшего наказали, чтобы не задавал вопросов. Ну а ты, юное дарование, отсидел в кладовке и?..

– И я сбежал оттуда. И, клянусь, ни разу не пожалел об этом.

Глава 12

Оставим на время Барнета, тем более дела у него идут хорошо. Правда, он их немного подзапустил и хваткий Морстен уже успел похозяйничать на его территории, но ухаживание за Мэри требовало времени.

Опустим ежедневные разборки и претензии двух главарей, иначе мы никогда не закончим повествование.

Сейчас у нас на очереди рассказ о других лицах – о семье, принадлежащей к высшему классу и, конечно, никак не связанной с криминалом. Мы встретили их в тот момент, когда они только что въехали в недавно купленный загородный дом в Чизике.

Кстати, это в настоящее время Чизик является частью Лондона, а в 70-е годы XIX века это была скромная деревушка. Так вот, семейство Мак-Доуэлл, выходцы из Шотландии, о чем красноречиво свидетельствует фамилия, собрались вместе в новой гостиной на файф-о-клок.

За столом сидели родители, приятная пара лет сорока с небольшим, и три их дочери.

Две старшие, погодки, еще не перешагнувшие двадцатилетний рубеж, белокожие рыжие красавицы, шептались между собой и поминутно смеялись. Их звали Джейн и Элиза, что, несомненно, указывало на любовь их матери к романам Джейн Остен.

Что ж, мы готовы простить миссис Мак-Доуэлл ее маленькую слабость, но пусть она объяснит нам, откуда взялось имя для ее младшей дочери – Берта? Неужели и его она позаимствовала из какого-нибудь романа?

Берта Мак-Доуэлл была полной противоположностью своим сестрам. В неполные семь лет она выглядела гадким утенком, и на ее превращение в прекрасного лебедя не надеялся никто. Худенькая, с темными прямыми волосами и мелкими чертами лица, она напоминала воробушка. Характер ее, созерцательный и спокойный, заставлял окружающих думать о ней как о нелюдิมой и склонной к одиночеству – то, к чему в XX веке припечатывают термин «интроверт».

И все-таки окружающие ошибались: Берта с удовольствием принимала участие в ребячьих играх, если ей было с кем играть! Именно! Товарищей для игр не находилось – в самом деле, ведь не заставишь ни Джейн, ни Элизу бегать наперегонки или нянчить куклу?

Сестры вошли в прелестный подростковый возраст и стали вдруг лучшими подругами – очевидно, их теперь связывали общие секреты. Берту они гоняли прочь от себя: их тайны не предназначались для ушей младшей сестры.

Родители постоянно были заняты, гувернантка честно отработывала жалованье и проводила с воспитанницей много времени, но ни играть, ни придумывать игры не умела. Прислуга – на то она и прислуга, чтобы делать дела по дому, а не забавлять хозяйскую дочь! И бедная Берта должна была играть в одиночестве, сама себе сочиняя сюжеты игр.

Разговор во время пятичасового чаепития вертелся вокруг нового дома: что-то предполагалось доделать, кое-что из мебели переставить, заменить шторы и ковры.

И тут вдруг миссис Мак-Доуэлл обмолвилась о необходимости познакомиться с соседями, а посему устроить прием.

Понято, что сия идея пришлась по вкусу двум рыжеволосым мисс, но их отец отнюдь не пришел в восторг от необходимости новых трат. Хватит, потратились на переезд, а с соседями можно познакомиться как-нибудь потом.

Мистер Мак-Доуэлл имел неосторожность высказать свое недовольство вслух и мгновенно получил отпор от жены и старших дочерей. Траты тратами, но надо и соображать! Если Мак-Доуэллы не будут приглашать гостей, то кто же тогда пригласит в гости их самих? Резонный вопрос! А ведь у них дочери-невесты!

Говорили все вместе, не слушая и перебивая друг друга. И только Берта молчала – принимать гостей вместе с мамой удовольствие сомнительное: стоишь рядом с ней, улыбаешься подошедшим или подъехавшим гостям, а время проходит впустую...

– Папа, соглашайся! – шепнула отцу Берта. – Все равно мама устроит все по-своему.

Мистер Мак-Доуэлл посмотрел на младшенькую в недоумении и... согласно кивнул головой.

Глава 13

Что такое званый вечер, устраиваемый с целью знакомства с новыми соседями?

Собирается общество людей, равных друг другу по положению и финансовым возможностям, – ужинают, танцуют, играют в карты и... разговаривают, разговаривают, разговаривают.

Так было и у Мак-Доуэллов. И можно было не упоминать об этом заурядном событии, если бы не один из гостей.

Лорд Д. (да простит меня почтенная публика за то, что я не называю его имя) проживал в родовом гнезде неподалеку от Чизик-вилладж, поэтому и получил приглашение одним

из первых. Он приехал в самом начале праздника и с первых же произнесенных им слов очаровал все семейство.

Подумать только, сколько любезности, обаяния, очарования может быть в одном человеке! Он нашел общий язык и с миссис Мак-Доуэлл, озабоченной тем, как пройдет вечер; и с прекрасными девицами, разговаривая с ними как с равными, и с главой семейного клана мистером Мак-Доуэллом.

И только маленькая Берта, с позволения матери вертевшаяся среди гостей, нашла его слова слишком сладкими и липкими, как сахарный сироп.

Девочка заметила, что в то время, когда лорд улыбался, глаза его оставались холодными. Берте показалось, он прибыл в их дом, чтобы что-то прояснить или разведать. Она неоднократно пыталась поделиться с матерью своими впечатлениями, но та только отмахнулась. И Берте не осталось ничего иного, как заняться новыми гостями.

И почему мы бываем так невнимательны к нашим детям? Вопрос риторический, но прислушайся тогда миссис Мак-Доуэлл к младшей дочери, возможно, не произошли бы некоторые драматичные для Мак-Доуэллов события.

Лорда Д. знали в округе как утонченного аристократа, богатого землевладельца, хорошего соседа. Он приобрел славу коллекционера разных египетских древностей, а посему не приглашал к себе гостей из боязни, что кто-нибудь позарится на его драгоценные приобретения. Если же незваный гость все-таки стучался к нему, лорд принимал его в гостиной, но никогда ни при каких обстоятельствах не провожал в другие помещения.

Собственно говоря, показывать больше было нечего, и никаких коллекций не существовало: лорд Д., бедный как церковная мышь, изо всех сил старался играть роль богача. Хорошо ли, плохо ли, но до настоящего времени это ему удавалось.

Можно было бы посочувствовать лорду, растратившему то, что многие поколения его предков наживали веками, если бы не одно обстоятельство: пристрастие к азартным играм стало причиной всех его бед. Кроме того, он был замечен неоднократно в курильнях опиума, где одурманенного и плохо соображающего аристократа подобрал небезызвестный Чарлз Морстен.

Сначала криминальный босс не знал, какую пользу может принести этот порочный лорд, готовый на все за трубку с опиумом. А потом выяснилось, что он незаменим в деле заманивания неопытных игроков за карточный стол.

И действительно, кто подумает, что обаятельный лорд Д. способен предложить недоброе? Ведь у каждого есть свои слабости и склонности к запретным удовольствиям.

Наивный обыватель соглашался поиграть в карты и попадал в руки опытных шулеров, обирающих бедолагу до нитки.

А порочный лорд не терял времени и, не откладывая в долгий ящик, принялся за обработку «любезного соседа» мистера Мак-Доуэлла. Он дал выиграть несколько раз, вскользь намекнув, что в Лондоне существуют места, где играют по-крупному, где делаются большие состояния, а тот, кто не рискует, не пьет шампанское.

Он рисовал такие радужные перспективы и совершенно загипнотизировал мистера Мак-Доуэлла возможностью быстрого обогащения. В результате последний поддался на уговоры лорда и согласился посетить одно из подобных мест.

Глава 14

В который раз в голову закрадывается мысль о несовершенстве мира; о том, как часто мы обманываемся в наших надеждах и как тяжело переживаем разочарование. А за ней следует утверждение об изобретательности злого ума и наивности доброты.

Лорд Д. привел ничего не подозревавшего мистера Мак-Доуэлла, как он выразился, «немного побросать карты». Клуб располагался в районе Ламбет – не самом тихом и благопо-

лучном, однако улицы были застроены добротными двухэтажными особняками, а также чисто выметены и ухожены. Газовые фонари освещали округу тусклым светом, и кэбмены заезжали туда без боязни.

Они постучали в дверь одного из серых безликих домиков. Им отворил слуга-индус и вопросительно посмотрел на обоих.

– Агра, – сказал лорд, и мистер Мак-Доуэлл понял, что это пароль.

Их пропустили, затем повели по темным коридорам прямо в игровую комнату. Взору мистера Мак-Доуэлла предстал небольшой зал, заставленный игровыми столами, за которыми испытывали судьбу джентльмены разных возрастов.

– К сожалению, сейчас все места заняты, – сказал лорд Д. – Подождите немного, мой друг. Выпейте пока что-нибудь.

Он затерялся среди гостей, оставив мистера Мак-Доуэлла одного. Тот попробовал понаблюдать, как играют другие, но вскоре понял, что это его не занимает, и вышел в коридор.

Несколько дверей были закрыты; Мак-Доуэлл подергал каждую, пока одна из них не поддалась. Он заглянул в узкую щель – свет вечерних сумерек проникал через незанавешенное окно. Судя по обстановке, комната служила кабинетом: шкафы с книгами, массивный письменный стол. В углу стоял небольшой сейф немецкой работы.

Мистеру Мак-Доуэллу нечего было делать ни в кабинете, ни в любой другой комнате этого дома – он уже хотел вернуться в игровой зал, но вдруг за поворотом длинного коридора послышались шаги и чьи-то раздраженные голоса. Застигнутый возле двери, он не нашел ничего лучше, как войти внутрь.

Голоса приближались, кто-то снаружи стал поворачивать дверную ручку, вынудив Мак-Доуэлла спрятаться в темном углу за сейфом.

– Не зажигайте огня, я не хочу, чтобы меня здесь видели, – проговорил один из вошедших.

Кто-то двигал стулья и рассаживался, а бедный Мак-Доуэлл скорчился, не смея пошевелиться.

– Вы уже усадили за стол вашего протеже? – поинтересовался тот же голос.

– Не было места, – ответил второй собеседник, в котором изумленный Мак-Доуэлл узнал лорда Д. – Но не беспокойтесь, шеф, все под контролем.

– Вы не должны были оставлять его одного.

– Я предложил ему выпить. У вас великолепный бар, мистер Морстен.

– Тише, не называйте меня по имени. Вы же знаете, и у стен есть уши. Так что с новеньким? Есть перспективы?

– Дом в Чизике, земля. Кроме всего прочего, он проговорился, что у него есть акции.

– Какие?

– Я побоялся расспрашивать, чтобы не вызвать подозрений.

– Вы уверены, что он после проигрыша подпишет дарственную на дом и на землю без ненужного нам шума?

Послышался короткий смешок лорда Д.

– Он не поднимет шум, у него жена и три дочери-красавицы. Можно припугнуть как следует... Мол, мы в курсе, в какие часы они гуляют в парке.

– Я бы не связывался с женщинами. И потом, побойтесь бога, лорд. Недаром вас зовут Порочным Лордом. Вы хотите выступить в роли насильника? Тут я вам не компания!

В голосе Морстена чувствовалась брезгливость по отношению к словам лорда, да и к нему самому. «Порочный Лорд» – подумать только!

Затаившийся в полутьме Мак-Доуэлл ловил каждое слово и проклинал себя за доверчивость. Внутри у него все кипело, он готов был растерзать недавнего приятеля, особенно когда тот спокойно заявил:

– А что здесь такого? Цель оправдывает средства, и любой отец отдаст все за своих дочерей. В крайнем случае мы их похитим.

– Похитим, – передразнил лорда Морстен. – Вы бы лучше занялись своими прямыми обязанностями, лорд, а то ваш протеже того и гляди убежит.

Они вышли оба, а сраженный наповал открывшимися фактами Мак-Доуэлл решил бежать из этого дома, оказавшегося ловушкой для дураков.

Глава 15

Уважаемые читатели, вы, вероятно, удивились и не поверили тому, что криминальный босс Барнет ведет себя как герой банального любовного чтива? Успокойтесь, я нисколько не отступаю от истины – волк иногда может прикинуться собакой, но только прикинуться, а не стать. Так и Джереми сыграл роль благородного жениха, чтобы заполучить Мэри, и... продолжил жить так, как жил до женитьбы.

Его всецело занимал Майкл. Барнету вдруг пришло в голову, что юный воспитанник мог бы многого достичь на криминальном поприще, ведь сумел же он вытащить незаметно кошелек из кармана босса. Другие карманники шлифуют умение долгими тренировками, а этот как будто родился с тонкими чувствительными пальцами. Кроме того, мальчик небольшого роста, гибкий и тонкий в кости – сама природа предназначила его лазить в форточки. Эх, если бы получилось обработать дивный алмаз – цены бы ему не было! Со временем Майкл мог бы стать правой рукой босса.

А еще Барнету хотелось утереть нос проклятому Морстену, на которого, по слухам, работала форточница Мици – хрупкая девушка, похожая на эльфа. Ее так и звали – Эльф. Способная пролезть в любую щель, пройти без боязни по карнизу, она за короткое время проникла по очереди в добрую половину особняков Хэмпстеда.

Понятно, без наживы она не возвращалась.

Начиналось все как обычный спор: а слабо тебе проникнуть в дом и принести оттуда некую драгоценность? Майкл с недоверием посмотрел на своего искусителя. По его представлениям, Барнет и так был богат, зачем ему еще какая-то драгоценность? И вдруг понял – понял все без объяснений.

Его сердце терзали противоречивые чувства: с одной стороны – глубокая благодарность к Джереми за то, что он пригрел у себя маленького бродяжку; с другой – не таким уж простачком являлся он, каким стремился себя показать, особенно перед Мэри и миссис Томсон. И встретились они в «Веселой лошади», где, по слухам, собирались воров и бандиты.

«Ладно, – решил про себя Майкл, – будь мистер Барнет хоть трижды бандитом, но помог мне именно он, поэтому я сделаю для него все, что он только попросит».

А Барнет попросил всего-навсего проникнуть в чужой дом.

Глава 16

Барнет не был благородным разбойником, и если он не грабил бедных, то только потому, что взять с них нечего.

– Именно поэтому, прежде чем планировать дело, надо собрать сведения, – напутствовал он Майкла. – Никогда не лезь наобум. Вот, например, сегодняшний объект... Дом семьи Лэнгрот... Недавно вернулись из Индии и, по слухам, привезли много индийских ценностей. А самое интересное – гарнитур из черного жемчуга. Почтенная супружеская пара вечером идет в театр, ну а тебе и карты в руки.

– Давайте, – мрачно проговорил Майкл.

– Что давать? – не понял Джереми.

– Карты. Вы же сказали – «карты в руки».

– А, ты имеешь в виду план дома? Так я сейчас нарисую.

Оба склонились над листом бумаги.

– А скажи мне, Джереми, откуда у тебя эти сведения? И о том, что гарнитур в шкатулке в спальне? И о стороже? – поинтересовался Майкл недоверчиво.

– Слуги болтают, – усмехнулся Барнет. – Надо только подтолкнуть разговор к нужной теме. Выложат что угодно.

– Вот именно – «что угодно».

Майкл не считал полученные Барнетом сведения достоверными, ведь слуги могут и прихватить для красного словца, но делать нечего, он обязан выполнить свое обещание, иначе Барнет разочаруется в своем воспитаннике.

Летом в Лондоне темнеет поздно, около одиннадцати часов вечера, таким образом, у мальчика было в запасе каких-нибудь полчаса на то, чтобы проникнуть в дом через узкое подвальное окно, подняться в спальню и разыскать шкатулку. Дальнейшее пребывание в доме являлось рискованным: в любую минуту могли вернуться хозяева.

Оба заговорщика, выйдя из дома, взяли кэб и направились в сторону Хэмпстеда. Выйдя заранее, они отпустили экипаж и пошли пешком в сторону улицы, где жили Лэнгроты. На углу они расстались: Джереми устроился в придорожных кустах, а мальчик приблизился к невысокому заборчику, ограждающему нужный дом от улицы.

Сторожа не было видно, к тому же сумерки сгустились, поэтому никто не заметил, как маленькая фигурка ловко перемахнула через ограду и юркнула в то самое подвальное окошко, о котором проболтались слуги. Дальше все шло в соответствии с планом, нарисованным Джереми: небольшая дверца, выход на кухню, крутая лестница наверх и... вторая дверь по коридору – та самая спальня.

В доме было темно, лишь тусклый свет газового фонаря проникал через окно. Майкл уже привык к темноте и довольно ловко ориентировался в незнакомой комнате. Он нащупал шкатулку в ящике подзеркального столика и поднес к окну. Сомневаться не приходилось: внутри на атласной обивке находилась та самая вещь!

Обрадованный мальчик уже заранее представлял, как будет хвалить его Джереми и сколько денег отвалит! В украшениях он не разбирался, но такая красота не выглядела дешевой.

«Гинея, не меньше, – размышлял юный воришка, проделывая обратный путь. – А может, и две. Хм, если бы каждый вечер попадалось что-то стоящее, я бы разбогател к совершеннолетию».

Внезапно он остановился и застыл на месте: в кухне кто-то был! Майклу казалось, что чьи-то глаза наблюдают за ним из темноты, а до уха доносилось легкое дыхание. Прижимая к груди шкатулку, мальчик продолжил движение к подвальной двери, как вдруг неизвестный схватил его и притиснул к стене. От неожиданности Майкл чуть было не уронил шкатулку и, стремясь удержать добычу, зашевелился и нечаянно ударил напавшего по ноге. Тот взвыл тонким голосом, а потом затряс мальчика за воротник.

– Отдай то, что взял, маленький негодяй! – зашипел ему в ухо неизвестный.

«Неужели хозяева вернулись?» – мелькнула мысль, но вскоре ей на смену пришла другая: скорее всего, это кто-то из слуг обнаружил его присутствие в доме, а раз так, надо исхитриться – вырваться и убежать. И шкатулку не отдавать!

Неизвестно, каким образом удалось бы Майклу воплотить его замысел, если бы у входной двери не послышались громкие голоса.

Некто, вероятно сторож, сказал невидимому собеседнику:

– Я же говорил, дверь не заперта. Нутром чую, в доме посторонние.

Глава 17

Майкл почувствовал, что хватка неизвестного соперника ослабла – вероятно, тот тоже услышал шаги и голоса. Воспользовавшись ситуацией, мальчик обернулся и увидел – только не падайте в обморок! – ему, оказывается, противостояла девчонка! Вот это да! И эта дрянь снова протянула ручонки к шкатулке!

А Майкл, не теряя времени, оттолкнул нахалку и бросился в подвал к открытому окну. Девушка опомнилась и тоже нырнула в подвальную дверь.

Майкл ужом пролез в окно, девушка за ним. Будучи субтильной, но не такой хрупкой, как семилетний ребенок, она тоже выскользнула наружу, однако сильно поцарапала себе кожу рук. И, несмотря ни на что, преследовала мальчика, пока тот не добежал до прятавшегося в кустах Барнета. Майкл шмыгнул за спину своего провожатого, а девушка остановилась в двух шагах от них, прикидывая, как бы получше выхватить шкатулку и смыться.

Джереми усмехнулся при виде соперницы: по росту и весовой категории они с Майклом стоили друг друга, но взгляд юного создания выдавал возраст – никак не меньше шестнадцати.

А его воспитанник за широкой спиной босса расхрабрился и даже погрозил обидчице кулаком.

– Добрый вечер, мисс! Не правда ли, прекрасная погода? – Джереми обратился к ней со всей галантностью, на которую был способен.

Мисс скорчила страшную гримасу и выпалила:

– А это что еще за старый пень?

В ответ послышался смех:

– Судя по всем приметам, а главное, по хорошему воспитанию, передо мной прекрасный Эльф, подруга Магистра?

Читатель, вероятно, осведомлен о том, что у криминальных главарей в ходу были клички. С одной стороны, в разговорах лишний раз не упоминалось настоящее имя, а с другой, считалось, что это поможет запутать полицию. Морстен, окончивший курс в Оксфорде, назывался Магистр, а Барнета отчего-то прозвали Крот – может быть, причиной этому послужила жадность и запасливость босса, кто знает?

Милая девушка фыркнула и скорчила еще одну гримасу, да такую, которая, несомненно, испугала бы всех эльфов с Британских островов.

– Ну, судя по твоему столетнему костюму, ты – жадина Крот?

– Чем тебе не понравился мой костюм? Десять лет ношу, а он как новый.

Джереми обескураженно осмотрел свою одежду, а девушка усмехнулась:

– А, так это твой парадно-выходной смокинг? Говорят, ты в нем и женился!

– Сплетни, гнусные сплетни, – возмутился Барнет. – Твой шеф вместо собирания слухов лучше бы делом занялся. Какого черта ты залезла в этот дом? Кто тебя навел? А ты знаешь, что это моя территория?

– Ты ее купил? Застолбил за собой?

– Не наглежь, девочка! Я не юнец, чтобы оправдываться перед тобой. Знаю, это происки мерзавца Морстена. Только ты опоздала, а посему утрись. Умей проигрывать, юное дарование.

Неожиданно девушка сбавила обороты и растерянно проговорила:

– Он послал меня за шкатулкой... Индийский жемчуг... Твои люди, Крот, болтали за пинтой пива, а наши донесли. Он так меня просил...

– Еще бы, любимый шеф просит! Для милого дружка хоть сережку из ушка. А не влюбилась ли ты в него, девочка? – внезапно осенило Барнета, а она передернула плечиком и ненатурально запротестовала:

– Ну вот еще, скажете тоже.

Что ж, вполне может быть, размышлял Джереми. Морстен хорош собой, образован, а манеры ему прививали с детства. Надо отдать должное, с любой женщиной, даже с посудо-

мойкой в пабе, он разговаривает так, что она начинает чувствовать себя герцогиней. Стоит ли удивляться влюбленности Эльфа? Мой бог, сколько разочарований ожидает эту девочку, пока она не поймет гнусную натуру Морстена...

Джереми помедлил, а потом спросил:

– А хотела бы ты работать на меня, Мици? Видишь, мне даже известно твое имя.

– С чего это? Ты же лишняя пенни пожалеешь заплатить, Джереми Барнет. Видишь, мне тоже известно твое имя.

– А с того, что ты мне понравилась. Сегодняшнее происшествие не в счет. И платить буду как надо.

Внезапная идея пришла ему в голову и, недолго думая, он выхватил шкатулку из рук Майкла и передал ее Эльфу. Мальчик так и ахнул, а она замерла, словно ожидая подвоха.

– Возьми, – твердо сказал босс. – И отнеси шефу, но не утром, как вы договаривались. Ведь вы договаривались на утро, не правда ли? Иди к нему прямо сейчас.

Эльф молча повернулась и пошла своей дорогой.

– Что ты наделал, Джереми! Я рисковал, добыл шкатулку, а ты собственноручно отдал добычу Морстену! Как это понимать? – Майкл был вне себя от творящейся несправедливости, а Барнет, глядя вслед удаляющейся девице, произнес:

– Считаю, что я ей одолжил шкатулку. К утру она принесет ее обратно.

Глава 18

Мы оставили мистера Мак-Доуэлла в притоне Морстена. То, что ему случайно удалось подслушать, заставило подумать о своем спасении.

«Усадят играть с профессионалами, доведут до большого проигрыша, а потом вынудят подписать документы на дом. Бедные мои девочки! Бедняжка Берта – ты оказалась прозорливей всех».

Он выглянул в коридор: там было пусто. Ах, если бы только удалось проскочить в переднюю, а оттуда прямой путь на улицу.

Может быть, и полисмен встретится...

Увы! Удача скрылась от него в туманных сумерках, усмехнувшись напоследок. Не успел он сделать несколько шагов, как молчаливый индус преградил ему путь. В тот же миг позади материализовались еще двое, как будто вышли из стены. Мак-Доуэлл заметался, переводя взгляд от одного к другому, он понял, что ловушка захлопнулась и пощады ждать не придется... А по коридору медленно приближался, улыбаясь криво, Порочный Лорд.

– Мистер Мак-Доуэлл, куда же вы? Игра начинается. – Его голос источал мед, но глаза смотрели холодно и бесстрастно.

– Я передумал. – Несчастный искатель приключений старался говорить спокойно, но голос предательски дрожал. – Я хочу уйти.

– Хотите уйти? Пожалуйста, вас никто не задержит после игры. А пока идите в зал.

– А если я не подчинюсь?

– Подчинитесь, куда вы денетесь, – произнес появившийся из-за спин индусов молодой человек в черном костюме с жемчужной булавкой в галстук. – Вы же любите ваших девочек, мистер Мак-Доуэлл?

Этот аргумент перевесил все возможные возражения, и обманутой жертве не осталось выбора. Склонив голову, он медленно последовал в зал. Молодой человек в черном исчез так же внезапно, как и появился, словно растворился в темноте.

Индусы шли рядом, предупреждая каждое движение пленника (мистер Мак-Доуэлл уже не сомневался в своем положении). И лишь один лорд довольно улыбался, предвкушая награду от Морстена.

Лорд уже открывал дверь, намереваясь пропустить в зал нового игрока, как вдруг мистер Мак-Доуэлл совершил то, чего от него не ожидали: с силой оттолкнув двух индусов, он бросился назад по коридору и... с размаху налетел на нож третьего индуса.

Свет в его глазах погас, и он упал бездыханный.

Глава 19

Миссис Мак-Доуэлл в ожидании мужа не спала всю ночь, забывшись лишь под утро часа на два. Очнувшись она оттого, что затекла спина: бедная женщина заснула, сидя в кресле, не раздеваясь. За окном уже рассвело, и свет утра смешался со светом ночника. Она взглянула на неразобранную кровать и вернулась к невеселым размышлениям о том, что муж отсутствует. Вчера, прежде чем покинуть дом, мистер Мак-Доуэлл предупредил, что едет ненадолго в Лондон, и обещал вернуться к ужину.

Внезапно ее пронзила мысль о том, что муж, скорее всего, попал в беду, из которой способен выбраться, и последствия для него могут быть весьма серьезными.

«Необходимо обратиться в полицию», – решила она, что и сделала незамедлительно.

Два дня полной неизвестности и мрачных размышлений измотали ее окончательно. Нужно было держаться и успокаивать взволнованных дочерей. Наконец на третий день к ней в дом явился инспектор из Скотленд-Ярда в сопровождении местного полисмана.

– Джексон, – представился инспектор и, взглянув на окруживших миссис Мак-Доуэлл дочерей, добавил: – Я хотел бы побеседовать с вами наедине.

Женщина недоверчиво взглянула на него: молод, амбициозен, стремится сделать карьеру. Достаточно ли будет у этого типа опыта в поиске пропавшего мистера Мак-Доуэлла?

Девочки послушно удалились, а инспектор с бульдожьей хваткой вцепился в миссис Мак-Доуэлл, задавая ей разные вопросы. По его просьбе она описала особые приметы мужа, все шрамы и родинки, но дотошному полицейскому этого оказалось мало. Инспектора интересовало буквально все: характер пропавшего, друзья, хобби, род занятий. Бедная женщина громко вздыхала, но ее мучитель не обращал внимания на охи, вздохи и кислые мины. В конце концов, он спрашивает не для собственного удовольствия, а просто выполняет свою работу.

– Он ушел из дома один? – поинтересовался он напоследок, и она утвердительно кивнула: ей ничего не было известно о договоре с лордом Д.

Миссис Мак-Доуэлл не напрасно тревожилась, и плохое предчувствие сбылось, когда Джексон заявил, что ей необходимо проехать с ним в судебный морг. Там находились два неопознанных мужских трупа, подходящих по возрасту и описанию.

Через два часа все было кончено – она узнала своего мужа в одном из усопших.

Миссис Мак-Доуэлл машинально отвечала на вопросы полицейского, заполнявшего какой-то бланк, а потом решила, наконец, спросить:

– Где его нашли?

– Тело выловили в Темзе. Покойный пробыл в воде более суток, – объяснил инспектор.

– Вы хотите сказать, что он утонул? – удивилась она, отгоняя нелепое предположение, что мужу взбрело в голову искупаться в грязной воде Темзы.

Инспектор покачал головой:

– Нет, миссис, я не думаю, что смерть наступила от утопления. Вы обратили внимание на рану в области сердца?

– Обратила. Совсем маленькая ранка. Я даже подумала, что в реке он укололся о корягу.

– О нет, это мог быть стилет.

– Стилет?

– Тонкое острое холодное оружие, им можно легко достать до сердца.

Инспектор Джексон замолчал, а миссис Мак-Доуэлл внезапно зарыдала: лишь сейчас до нее дошел весь ужас свершившегося.

Глава 20.

Весть о гибели мистера Мак-Доуэлла разнеслась по округе, и в осиротевший дом потянулись визитеры с соболезнованиями. Соседи и немногочисленные друзья сочувствовали новоиспеченной вдове и потерявшим отца девочкам, сетовали на злосчастную судьбу «такого приятного джентльмена, каким был покойный». После похорон их посещения стали все реже и реже, и вскоре остались только инспектор Джексон и... лорд Д.

Напрасно носившая траур миссис Мак-Доуэлл злилась на полицейского: за внешней заурядностью скрывались дотошность в осмыслении фактов и невероятное чутье.

Человек выходит из дома на прогулку, а через двое суток его находят мертвым в Темзе, с колотой раной груди. Миссис Мак-Доуэлл утверждает, что они не так давно переехали в столицу из Шотландии, где тихо, спокойно проживали в деревне почти два десятилетия. Знакомых и родственников у них в Лондоне нет, кроме соседей, но и с ними не успели как следует подружиться. Больших денег тоже, кстати, нет – они почти все вложили в покупку дома.

Стал ли мистер Мак-Доуэлл жертвой уличного нападения? Логично предположить, что грабитель не был осведомлен о пустоте в карманах прилично одетого господина. В таком случае почему предполагаемый преступник не снял дорожную булавку с галстука и фамильный перстень? Побрезговал? Так не бывает!

Джексон не поленился прийти на похороны, чтобы своими глазами взглянуть на окружение Мак-Доуэллов и, возможно, заметить что-либо из ряда вон выходящее.

Против его ожиданий, ничего подозрительного на похоронах не произошло, и он вернулся разочарованный.

Вскоре дело было сдано в архив, и через несколько недель о нем не вспоминал ни один человек, исключая неугомонного инспектора.

В отличие от инспектора, которого интересовал в доме Мак-Доуэллов разве что сбор сведений для поимки преступника, лорд Д. приходил, казалось, без всякой цели.

Он был, как всегда, элегантен и любезен, и привыкшая к его визитам миссис Мак-Доуэлл невольно сравнивала лорда с покойным мужем – к сожалению, не в пользу последнего.

Они беседовали, как правило, в небольшом салоне, залитом солнцем и продуваемом легким летним ветерком. Колыхались прозрачные занавески, радовал глаз букет садовых цветов, стоящий в вазе на круглом столике в углу.

Лорд, не впервые окидывая салон беглым взглядом, любовался и удобной старинной мебелью, и простыми, но выразительными гравюрами на стенах, и изящными статуэтками и безделушками. Все говорило о достатке и хорошем вкусе. Да и сама хозяйка, приветливая и доброжелательная дама, несмотря на некоторую провинциальность, производила благоприятное впечатление.

Испытывал ли Порочный Лорд чувство вины перед женщиной, чья жизнь была разрушена по его милости, этого мы не знаем, да и не узнаем никогда. Однако необходимость посещать вдову, чтобы находиться в курсе расследования, вскоре переросла в привычку, и лорд Д. сам не заметил, как поддался чарам немолодой вдовы. А миссис Мак-Доуэлл, по-соседски разговаривая с ним, даже и представить себе не могла, что лорд испытывает к ней нечто большее, чем простое участие.

Глава 21

Человек-ничтожество – это ужасно. А ничтожество, мнящее себя величиной, ужасно вдвойне.

Именно таким «ничтожеством, мнящим себя...» и был Хуго Мак-Доуэлл, младший брат покойного.

Деньги, выплаченные после смерти отца, давно разошлись; в армии Хуго умудрился испортить отношения как со старшими офицерами, так и с подчиненными, поэтому повышение ему приходилось ждать подолгу. Он был женат на сварливой недалекой особе, не обладающей ни связями, ни состоянием. К тому же броская красота ее, прельстившая некогда молодого Хуго, исчезла, как дым. Рождение детей, не нужных ни отцу, ни матери, не способствовало семейному счастью.

Известие о смерти брата застало Хуго в тот момент, когда его «попросили» уйти со службы и он ломал голову, что делать дальше.

Уняв взволнованный стук сердца и стараясь не выдавать своих эмоций, он встретился с семьей брата, скорбел на похоронах и... сорвался в момент оглашения завещания. Да тут и любой на его месте не выдержал бы, ведь семейное достояние отошло не к нему, прямому наследнику по мужской линии, как это и происходило из века в век в семье Мак-Доуэллов, а к женщине! Невероятно!

Хуго вопил, кричал, угрожал судом, но выполнять свои угрозы не спешил: во-первых, судиться – дорогое удовольствие, а во-вторых, он не был уверен безоговорочно в решении суда.

Что поделать, в старой доброй Англии люди стали потихоньку отходить от традиций и закон о майорате уже не соблюдался повсеместно.

Хуго выдержал ругань своей половины, выплакал все жалобы желающим слушать и... остался наедине со своей финансовой нестабильностью.

В один из немногих сухих летних дней его разыскал незнакомый джентльмен, блондин лет тридцати пяти – сорока, манеры которого выдавали в нем аристократа, представившийся Симпсоном.

Хуго разговаривал с неожиданным собеседником настороженно. Впрочем, на то были причины: во-первых, Симпсон заявил, что он в курсе дела о наследстве; во-вторых, потребовал, чтобы Хуго периодически навещал вдове, устраивал скандалы; в-третьих, посулил за это приличную сумму. Четверть от этой суммы он выложил сразу, заявив, что это аванс. Полностью же обещал расплатиться попозже, как только вдова прореагирует тем или иным способом.

Хуго пересчитал банкноты и сунул их в карман: он согласился на все.

Симпсон, довольный сделкой, вернулся домой, где незамедлительно заперся в своей комнате. Там он стер грим, снял парик и... превратился в лорда Д.

Занятно, что же задумал этот авантюрист? Не готовит ли он новые беды для миссис Мак-Доуэлл? В настоящий момент он любовался своим отражением в зеркале и потирал руки, не сомневаясь в том, что Хуго отработает все до последнего пенса.

Глава 22

С некоторых пор уже трое джентльменов наносили визиты миссис Мак-Доуэлл, и она относилась неодинаково к каждому из визитеров.

Приятнее всего проходили посещения лорда Д.: легкая беседа, искренний интерес к своей особе – все это подкупало вдову, и окончание одного визита тут же заставляло мечтать о следующем.

Инспектор Джексон докучал ей раз в две недели и, по ее мнению, симулировал активность в проведении расследования. Он приезжал обычно под вечер, отказывался от предлагаемого каждый раз чая и все короткое время визита утруждал миссис Мак-Доуэлл расспросами.

А с недавних пор с пугающей регулярностью в доме стал появляться новый визитер, вернее, хорошо забытый – Хуго Мак-Доуэлл.

Все, что происходило потом, напоминало третьесортную пьесу, идущую в каком-нибудь захудалом театре.

Сначала Хуго спрашивал, не хочет ли вдова добровольно отказаться от прав на наследство, а затем, получив отрицательный ответ, кричал, что он разорен по ее милости, что покойный брат обобрал его, что он это так не оставит. Он обратится в суд, а уже после этого с превеликим удовольствием вышвырнет самозванку вон.

После первого же выступления Хуго на семейной сцене миссис Мак-Доуэлл обратилась к известному лондонскому адвокату. Тот успокоил несчастную женщину, заявив, что у Хуго нет шансов и двойного толкования завещания быть не может.

И все же она не выдержала и, поддавшись настроению, рассказала Джексону и лорду Д. об угрозах со стороны обойденного в завещании деверя. Рассказала – и получила разную реакцию!

Джексон отнесся к ее опасениям более чем равнодушно: очевидно, это не вписывалось в его тайную концепцию расследования.

А лорд, напротив, горячо заинтересовался услышанным, возмущился безнравственным и неджентльменским поведением Хуго, пообещал оградить осиротевшее семейство от посягательств негодяя.

Вскоре такой случай представился, как только их визиты совпали и его светлость стал свидетелем повторявшегося спектакля.

Он предложил Хуго покинуть дом вдовы, иначе его ждет продолжение в суде в связи с посягательством на чужую собственность.

– Что значит «на чужую»? – изумился Хуго. – Это мое. Наше. Я – единственный из Мак-Доуэллов по мужской линии...

– Позвольте вам напомнить, что ваша невестка тоже носит фамилию Мак-Доуэлл.

– Это ничего не значит, закон о майорате...

– Оставьте, вы игнорируете завещание, – прервал его лорд.

– А почему вы так беспокоитесь за вдову? Или имеете на нее виды? А может быть, на нашу семейную собственность? Вот уж истинно, «и пары башмаков не износив...»

И тут гнев лорда вышел наружу, и он собственноручно, не снимая белых перчаток, залепил Хуго звонкую оплеуху, от которой тот развернулся, как волчок, и сел на пятую точку.

– Вот это да! – воскликнула миссис Мак-Доуэлл, заметив брызнувшие из глаз деверя слезы. Одной рукой он заслонялся от следующего возможного удара, а другой потирал покрасневшую ушибленную щеку.

– Мы так не договаривались, – бормотал он сквозь слезы.

Лорд медленно размял руки в белых перчатках и промолвил, обращаясь к вдове:

– Прошу прощения, миссис Мак-Доуэлл, я не мог удержаться при виде такой потрясающей наглости...

Хуго попятился к выходу и вскоре исчез за дверью.

– Он не осмелится еще раз побеспокоить вас, – заявил лорд. – Вы всегда можете рассчитывать на меня, миссис Мак-Доуэлл.

Лорд подошел к ней так близко, что почувствовал на своем лице легкое дыхание взволнованной женщины. Он долго смотрел в глубину ее глаз, пытаясь угадать ее отношение к себе, и видел, что за благодарностью за содеянное скрывается еще что-то.

Через неделю Хуго Мак-Доуэлл получил остаток суммы по почте с припиской, что его услуги больше не требуются.

Глава 23

Что-то давно мы не вспоминали наших старых знакомых – Барнета и его окружение.

Помните нехарактерный для него широкий жест, когда он подарил Мици шкатулку, добытую Майклом? Майкл попробовал возмутиться, но Джереми его успокоил, заявив, что назавтра все встанет на свои места: Мици вернет добычу и станет работать на них.

Мальчик не поверил старшему другу, но каково же было его удивление утром, когда к ним в дом ни с того ни с сего явилась Мици и...

– Джереми, ты, случайно, не пророк? – спросил он, трогая оставленную Эльфом шкатулку.

– Отнюдь, – возразил босс, – просто я немного разбираюсь в жизни. Скажи, для кого эта красавица старалась? Правильно, для Морстена, будь он неладен. В «Веселой лошади» болтали, что девица по кличке Эльф по уши влюблена в своего шефа. Она не то что шкатулку – луну с неба готова ему преподнести на серебряном блюде.

– А ты ей помог. Ты теперь снабжаешь Морстена? – съязвил Майкл.

– Никого я не снабжаю. А ты лучше слушай и не перебивай! В той же «Веселой лошади» болтали про новый роман Морстена, он даже запустил все дела, потому что занимается только своей новой страстью. И еще сочувствовали Эльфу. Ну, я и подумал: девица после дела явится к предмету своего обожания, застукает его с другой и... Идти-то ей некуда, кроме как ко мне, мой дорогой ученик.

– погоди, Джереми, – остановил его Майкл. – непонятно, как она узнала наш адрес? И еще: почему она сама не могла продать эту злосчастную шкатулку?

– Про адрес и мне непонятно: может, кто из наших проговорился? А насчет продажи – это же не рыба и не овощи, на базар не пойдешь! Места надо знать, дорогой Майкл, есть у нас свои проверенные скупщики, а к другим не суйся – сдадут в полицию.

Летели один за другим счастливые для Барнета и его молодой жены месяцы. Оба не уставали благодарить судьбу за то, что свела их вместе. В их совместной жизни не было места ссорам и недомолвкам, и даже легкая тень непонимания не омрачала счастливый брак.

Тот мрачный дождливый день, когда Мэри сообщила мужу, что в начале следующего лета он станет отцом, расцвел для него яркими красками. С этого момента обожание юной жены переросло у Джереми в благоговение. Он старался предугадать любое ее желание, и если бы Мэри, подчиняясь неведомому капризу, потребовала алмаз из короны Ее Величества, она бы его получила.

Джереми и сам не знал, кого он хотел больше – сына или дочь. С одной стороны, сын является продолжателем дела отца, но с другой – дочь, внешне похожая на Мэри и такая же кроткая характером, стала бы истинным утешением на старости лет. Иногда он поддавался власти чувств и начинал раздумывать о том, чтобы покончить с криминалом и, покинув Лондон, поселиться с Мэри и миссис Томсон на одной из живописных ферм Йоркшира или Кента. Наваждение проходило в ту самую секунду, как только им овладевала мысль, что он еще недостаточно обеспечил дорогих ему людей.

Глава 24

Несмотря на блаженно-счастливое состояние, Барнет не забывал о делах и полностью контролировал происходящее, поэтому сообщение о том, что люди Морстена ведут себя на спорной территории по-хозяйски, стало для него неприятным сюрпризом.

Он не стал тратить время на выяснения: Морстен снова будет изображать непонимание, – он отправил нескольких громил проверить, так ли это.

Соперники встретились на следующий же день. Трое парней Морстена пытались под угрозой ножа «вытрясти» дань из хозяина уютной кондитерской неподалеку от Британского музея.

– Ну ничего святого! Они и музей ограбят, дай им волю, – возмущался один из подручных Барнета, полноватый блондин с широким лицом, некий Феликс Слейтер, наблюдая за происходящим в кондитерской через окно. Двое других парней стояли позади и тоже заглядывали там, где мощные плечи Феликса не застилали им обзор.

– Ого, хозяин уже спекся, деньги достает, – прокомментировал один.

– А они еще пирожные лопают, – заметил другой. – Как думаешь, Слейтер, мы им здесь накостыляем или внутрь войдем?

– Здесь, – ответил тот.

– Внутрь, – возразил его товарищ.

– Нет, нет, именно здесь, – запротестовал Феликс. – Помните, что нам сказал босс? Нельзя выяснять отношения в присутствии владельцев бизнесов. Пусть они почувствуют разницу между нами и выбирают либо морстеновских дикарей, либо нас.

– А мы-то чем лучше?

– Мы лучше хотя бы тем, что не бьем прямо в морду, а изображаем защитников. Понятно?

Феликс хотел продолжить, но происходившее за стеклом подходило к завершению, и получившие мзду противники собирались уходить. Он жестами показал товарищам, где им следует расположиться, чтобы застать морстеновцев врасплох, и тут дверь кондитерской открылась.

Все произошло довольно быстро: эти вышли, а те не успели занять свои позиции, и обе враждующие стороны столкнулись нос к носу прямо на улице.

Сначала они только бросали угрожающие взгляды на противников, одновременно оценивая силы и возможности, а затем перешли к словесной перепалке, состоящей в основном из нецензурных выражений. В эти минуты они походили на уличных котов, выясняющих отношения, – не хватало диких рулад и завываний.

Прохожие шарахались от этой сцены и спешили уйти по своим делам. Вскоре рядом с высокими договаривающимися сторонами образовалось пустое пространство, которое так и манило перейти к рукопашной схватке. А почему бы и нет – кто еще сможет проучить наглого соперника?

Неблагодарное это занятие – описывать уличную драку. Подсчитывание количества разбитых носов и витрин, ссадин и синяков – дело полиции. Оказывается, кто-то из бдительных прохожих догадался вызвать стражей порядка, но прибыли они на место, когда драка уже сошла на нет, а драчуны разбежались.

Полицейские обычно отличаются философским отношением к жизни: «Разбежались? Туда им и дорога! И дело не нужно открывать!» Обозрев поле битвы, они обнаружили нож, обертку от шоколада из ближайшей кондитерской и немного выпавшей из карманов мелочи.

Улики? Несомненно. Обертку, правда, к делу не пришьешь, а нож и деньги – другое дело. Стражи порядка пересчитали найденные монеты, которых с натяжкой хватило бы на пинту пива, и удалились разочарованные.

История не имела бы продолжения, если бы свидетелем происшествия не стал репортер газеты «Дейли миррор». Он немедленно сочинил заметку и поспешил в редакцию.

Утром «Дейли миррор» появилась с крупным заголовком на первой странице: «Бандитские схватки на лондонских улицах». Весь тираж был раскуплен в течение часа, а оба главаря – Морстен и Барнет – метали громы и молнии: они не нуждались в рекламе своей деятельности.

Впрочем, Барнет сразу же объехал все магазинчики на спорной территории, закрепив за собой все права. Морстену оставалось только облизываться.

Сказать, что Морстен был вне себя от происходящего, значит не сказать ничего. Его холодный математический ум не мог противостоять буре эмоций, и он плевался огнем, проклиная «прохиндея Барнета».

Новая встреча двух главарей в вышеупомянутой «Веселой лошади» не привела к обоюдному согласию, а, напротив, раскалила обстановку.

Каждый стоял на своем, угрожая привести целую армию «своих» людей и устроить генеральное сражение. Их беседа чем-то напоминала спор двух мальчиков, поссорившихся на улице.

– А я вот возьму и приведу своего старшего брата, он тебе ка-ак даст по шее!

– А мой старший брат сильнее твоего!

Пока главари переругивались, сопровождающие их бандиты устроили потасовку возле паба, не дожидаясь генерального сражения.

Морстен вернулся домой в мрачном настроении и заперся у себя в кабинете, велел одному из слуг-индусов подать виски.

– И можете быть свободны. А меня оставьте одного, мне нужно многое обдумать, – сказал он.

– Напиваться вы будете, а не думать, – проворчал старый индус, а сам поставил на стол бутылку и бокал.

– Что-что? – насторожился Морстен. – Тебе-то какое дело? Может быть, я хочу напиться – единственный раз в жизни.

– А кто приводил вас в чувство после студенческих вечеринок? – напомнил слуга, однако у Морстена на этот счет было другое мнение:

– Ну, стоит ли вспоминать ошибки молодости? Моя работа по математическому анализу признана лучшей. И вообще, почему я должен отчитываться перед тобой, Гопал?

– Эх, мистер Морстен, мистер Морстен! Старый Гопал нянчил вас, сопровождал вас в школу и университет, а теперь вы и послушать его не хотите? Присмотреть за вами некому, девицы ваши не в счет. Вон, говорят, Крот женился, так он не будет сидеть в обнимку с бутылкой, жена ему не позволит.

– Если этой скотине нравится носить ярмо, кто был бы против, только не я.

Морстен вспомнил, как его подручные, прознав подробности свадебного торжества конкурента, долго зубоскалили по поводу его жадности.

– И что, Крот доволен своей женой? – внезапно заинтересовался Морстен, поймав за кончик вынырнувшую из глубины сознания мысль.

Гопал улыбнулся:

– Мягко сказано, доволен. Они любят друг друга, словно Рама и Сита.

– Что за дама?

– Совсем юная девушка, говорят, настоящая леди.

– Что нашла леди в этом мужлане? – удивился хозяин.

– Я полагаю, ей неизвестно, чем ее благоверный занимается, – заявил слуга. – Скорее всего, он напел ей в уши, а сам представился каким-нибудь... эсквайром.

– Так уж и эсквайром?

– Или предъявил диплом какого-нибудь... Оксфорда.

Морстен брезгливо поморщился: примитивам типа Крота не следует даже упоминать об Оксфорде – рожей не вышли!

– А скажи мне, Гопал, откуда тебе известны такие подробности? Вы за моей спиной поддерживаете связь с людьми Крота?

Голос хозяина вдруг стал суровым, но старый индус хорошо знал, что суровость эта напускная, а на самом деле Морстена распирает от любопытства.

– Простите, мистер Морстен, мы иногда пьем пиво в тех же местах, что и люди Крота, ну и слушаем их болтовню.

Как это было знакомо: во все времена слуги перемывали косточки хозяевам, а бандиты – главарям.

– Гопал, я должен побеседовать с миссис Барнет, – заявил Морстен, отгоняя мысль о том, что и его люди могли болтать о нем прилюдно. – Было бы невежливо не поздравить ее с бракосочетанием, не так ли?

Глава 26

Весна 1872 года в Лондоне выдалась на редкость холодная: шли не просто дожди – в конце концов, это типично для английской столицы, – но дожди со снегом, сопровождающиеся пронизывающим до костей ветром. Деревья и кустарники зацвели позднее, чем обычно, а прохожие, кутаясь по-зимнему, не расставались с зонтиками.

И лишь в конце мая приятный теплый ветер с юга разогнал облака; небо очистилось, и погода резко повернула к лету. Природа вокруг оживилась, и люди наконец поверили, что календарь не врет и лето действительно не за горами.

В последнее воскресенье мая мистер Барнет вывез всю свою семью на пикник в Хэмпстед-Хит. Дикий и дремучий, он отличался от выстриженных газонов и ухоженных цветников центральных парков, но живописные виды постоянно привлекали посетителей.

Бремя подготовки легло на плечи миссис Томсон: пятницу и субботу перед поездкой она почти не выходила из кухни и в итоге наготовила столько еды, что такого количества с лихвой хватило бы для зимовки на Северном полюсе, который, впрочем, в то время еще не был покорен.

Джереми хотел порадовать Мэри, плохо переносившую беременность: в последние недели она с трудом передвигалась и почти постоянно сидела взаперти. Пусть же милая порадуется теплу, зелени, чистому воздуху и отдохнет от пыли лондонских улиц.

Он загружал корзины провизией, а два телохранителя с невозмутимым видом таскали все это, плюс пледы, одеяла, сумку с посудой, в кэб.

Майкл носился по всему дому, рвался помогать, внося свою лепту в утреннюю суматоху. Еще большую сумятицу вносил кот Тим – он путался под ногами, хватая упавшие аппетитные кусочки. Читатель решит, что пушистого разбойника забыли покормить? Как бы не так! По давней кошачьей привычке он в шесть утра разбудил миссис Томсон, прервав ее сладкий сон требовательным мявом, затем позавтракал по очереди со всеми членами семьи, а затем Майкл стащил из-под носа кухарки хороший кусок бекона для своего любимца.

Все когда-нибудь заканчивается, и вскоре нагруженный-перегруженный кэб двинулся в Хэмпстед-Хит.

В эти утренние часы посетители уже начинали занимать места для пикников, но предусмотрительный Джереми заранее позаботился об этом, отправив впереди себя одного из телохранителей. Таким образом по прибытии в их распоряжении оказалась живописная полянка, расположенная на пологом берегу небольшого пруда, окруженная со всех сторон цветущей сиренью. В купе деревьев, растущих на возвышении, стояла скамейка, куда с предосторожностями посадили Мэри, уставшую в дороге.

Мистер Барнет немедленно принялся устанавливать шезлонг, миссис Томсон занялась провизией, телохранители накрывали на стол, а Майкл пустился в бега: ему не терпелось обследовать парк и полазить по его укромным уголкам.

Необходимо добавить, что миссис Барнет и миссис Томсон по-прежнему оставались в неведении относительно профессиональной принадлежности двух крепко сложенных парней,

присутствующих на воскресной прогулке. Мистер Барнет представил их клерками, и милых дам вполне устроило подобное объяснение.

Мы помним, дорогой читатель, что все барнетовские бандиты в удобном случае представлялись клерками. Спасибо, что не членами палаты лордов.

Желающие отдохнуть на лоне природы все прибывали и прибывали, и скоро дикий парк стал напоминать Пикадилли. Люди прогуливались по дорожкам, выгуливали собак и чинно раскланивались, встречая знакомых. Кое-кто, подобно Джереми, привез с собой семью, собираясь вкушать домашние яства под журчанье ручейка и пение птиц. Кое-кто прибыл один, взяв с собой какое-нибудь чтиво.

В основном это были служащие, просиживающие неделю напролет в душных помещениях. В единственный свободный день они позволяли себе прогулку по парку, любовались красивыми видами, дышали чистым воздухом и, заняв скамейки от центрального входа по главной аллее, разворачивали свои газеты.

Миссис Томсон тоже захватила с собой книгу из общественной библиотеки. Она предполагала уединиться после обеда и углубиться в любовный роман, а пока придирчиво оглядела накрытый стол и пригласила всех перекусить.

Первым прибежал Майкл, схватил на ходу сэндвич и тут же умчался, крикнув на ходу, что он больше ничего не хочет.

Барнет привел Мэри, усадил ее в шезлонг и попытался укрыть ей ноги пледом из-за опасения холодных сквозняков, тянувшихся от пруда.

– Джереми, это излишне, – запротестовала она. – Какие сквозняки? Я прекрасно себя чувствую и не боюсь простуды.

«Спорить с женой – себе дороже», – решил заботливый муж. Он подал ей тарелку и устроился на расстеленном одеяле возле ее ног.

Последними прибыли телохранители, оторвавшись от своих прямых обязанностей, а именно осмотра окрестностей на предмет безопасности.

Не стану описывать подробности этого превосходного «завтрака на траве» – вернее, по времени это уже был «ланч на траве». Не хочу возбуждать аппетит у читателя, дабы он не отложил чтение в сторону и не бросился к холодильнику, ведь именно сейчас развернется главное событие памятного пикника.

Глава 27

От долгого сидения в шезлонге у Мэри заныла поясница. Что поделаешь – она с трудом доживала последние дни беременности, но старалась скрывать от домашних, а в первую очередь от мужа свои недомогания.

Она неоднократно наблюдала у Джереми проявления мнительности по отношению к ней, его неподдельное беспокойство и волнение, поэтому не считала для себя возможным волновать его еще больше.

Мэри отставила тарелку, из которой она съела буквально пару листиков салата, и приподнялась, чтобы размяться. Ее движение не осталось незамеченным, и Джереми вызвался сопровождать милую жену, но Мэри отказалась.

– Я посижу на той скамейке и полюбуюсь на вас сверху, – заявила она. – И право, дорогой, не о чем волноваться. И убери, пожалуйста, плед – он здесь совершенно ни к чему.

– Пообещай мне, что не уйдешь далеко, я должен тебя видеть, – потребовал мистер Барнет. – И не подходи к пруду – поскользнешься, упадешь, и кто знает, к чему это может привести?

– Обещаю, – улыбнулась Мэри. – Я сделаю небольшой круг и тут же вернусь обратно.

Миссис Барнет, несомненно, нравилось, что муж о ней заботится и буквально носит ее на руках, но временами его чрезмерная опека становилась просто несносной. И все же она была благодарна Джереми за то, что он своими заботами помог ей забыть безрадостное детство и одинокую юность.

Она сидела на скамейке, прикрыв глаза. Теплый ветер обдувал ее щеки, запах сирени пьянил, а шелест листвы убаюкивал. Мысли, пришедшие к ней, были такими же светлыми, как этот ясный, солнечный день. Мэри представляла себе спокойную тихую жизнь с мужем и маленькой дочкой: уютный дом, достаток, радостные семейные праздники. Их с Джереми счастье не будет полным без тетушки Томсон и сироты Майкла – им тоже найдется место у теплого очага.

Пройдут годы – и десять, и двадцать лет, а Мэри не устанет благодарить бога за то, что он послал ей в мужья самого замечательного человека на свете!

На этом размышления миссис Барнет были грубо прерваны: кто-то, подойдя сзади, зажал ей рот платком и поволок за собой.

Глава 28

Весть о похищении Мэри принес запыхавшийся Майкл. Обследуя парк, он случайно увидел, как двое незнакомых мужчин заталкивали в экипаж находившуюся в полубессознательном состоянии миссис Барнет.

Смышленный мальчуган попытался проследить за ними, даже уцепился сзади кареты, но какой-то бдительный полицейский не вовремя проявил служебное рвение и прогнал мальчика. Майкл, не теряя времени, со всех ног бросился к Барнету, умоляя его поторопиться и как можно скорее броситься в погоню.

Миссис Томсон охнула, услышав о похищении племянницы, а Барнет и его подручные коротко переглянулись и побежали в направлении, указанном мальчиком. Миновав главную аллею парка, они очутились на улице, по-воскресному шумной и заполненной гуляющими. Понятно, похитителей и след простыл – да где их было найти, в такой толпе! Джереми оглядывался в растерянности, но экипаж, в котором увезли Мэри, как сквозь землю провалился.

Очевидно, его неприкаянный вид привлек внимание полицейского, поинтересовавшегося, не случилось ли чего.

Даже мысли не возникло у Джереми о том, чтобы прибегнуть к помощи закона: он не сомневался, что это дело рук Морстена. Только этот тип способен похитить беззащитную беременную женщину, и кто знает, что угрожает бедняжке.

И тем не менее вмешательство полиции может усугубить печальное положение Мэри, заставив похитителей пойти на крайние шаги. Барнет коротко успокоил полицейского, заявив, что он всего лишь плохо ориентируется в этом районе, а сам незаметно сделал знак своим подручным вернуться обратно.

Взглянув на расстроенное лицо зятя, миссис Томсон молча заплакала. Так получилось, что пикник, начавшийся как праздник, закончился печалью и слезами. Дома, немного успокоившись, она спросила Джереми, сообщил ли он в полицию о случившемся.

– Я не могу это сделать. Простите, миссис Томсон, – ответил он, помедлив.

– Почему? – спросила она.

– А вы не догадываетесь?

Их взгляды встретились, и миссис Томсон смогла прочесть в них все, о чем они раньше никогда не говорили, о том, что ей казалось подозрительным и неправдоподобным и на что она закрывала глаза.

– Догадываюсь, – сказала она задумчиво. – Я не хотела в это верить...

Домоправительница припомнила и поздние возвращения среди ночи, и подозрительных личностей, похожих на «клерков», как воробей на павлина. А пистолет, обнаруженный ею во время уборки в ящике комода?

– Мистер Барнет, вы не тот, за кого себя выдаете, – заявила она. – Возможно, это ваши настоящие имя и фамилия, но суть не в этом. Вы не клерк и не служите в конторе в Сити. Вероятно, вы занимаетесь чем-то криминальным, а все эти годы лгали мне.

– Миссис Томсон, я не мог признаться вам... Особенно после того как увидел Мэри.

– Вот, вот, бедная девочка из-за вас попала в беду, из-за вас и вашей любви. О я, старая ворона, как это я раньше не сообразила!

Тетушка Томсон была безутешна. Она как-то сразу позабыла о том, что в свое время не уставала нахваливать Джереми и, можно сказать, способствовала браку племянницы. Теперь зять представлялся ей чудовищем. Правда, у этого чудовища имелись деньги, а в нашем меркантильном мире многое зависит от них.

Миссис Томсон вытерла слезы и задумалась.

– Полагаю, мистер Барнет, вы уже что-то предприняли для поисков моей племянницы? – спросила она, поджав губы сердечком. Это должно было означать крайнюю степень раздражения.

Джереми не обратил внимания на тетушкину мимику, однако довольно поспешно принял уверять ее в том, что его люди ищут Мэри, а вмешательство полиции может осложнить поиски.

Слова зятя вернули ее к действительности. Она задумалась о том, что предпринять после сегодняшнего открытия, как ей вести себя с зятем. Снова закрыть глаза на то, что муж ее племянницы связан с криминалом? Порвать с ним? Прогнать его? Нарушить привычный жизненный уклад? А вдруг эти так называемые клерки будут ей мстить?

Бедная миссис Томсон глубоко вздохнула и призвала на помощь сюжеты когда-то прочитанных ею романов.

Глава 29

Миссис Томсон застыла, глядя в одну точку, как будто увидела там насекомое. Джереми было знакомо это состояние «сна на ходу», в которое периодически впадала домоправительница.

Обыкновенно оно возникало после прочтения очередного романа, словно мир грез и приключений не отпускал ее в действительность. Он покашлял в кулак, чтобы обратить на себя внимание, и тетушка очнулась.

– Я знаю, что заставило вас вести двойную жизнь, – объявила она. – Вам нечего стыдиться, друг мой, судьба иногда так жестока.

«О чем это она?» – подумал Джереми и попытался протестовать – не потому, что подверг сомнению утверждение о жестокости судьбы. Он боялся высокоморальных поучений своей домоправительницы, но, к удивлению, она повернула разговор в сторону его оправдания.

– Вы, несомненно, джентльмен, мистер Барнет, но выросли в простой семье. А почему?

– Действительно, почему? – вдруг заинтересовался Барнет.

– А потому, что кто-то занял ваше место в богатом доме, – заключила миссис Томсон и победно взглянула на зятя.

– Как это? – не понял он, попутно вспоминая, какие книги она брала в библиотеке в последнее время. – Вы хотите сказать, что меня похитили, когда я был ребенком?

Ничего удивительного, что Джереми подумал в первую очередь о подобном развитии сюжета, ведь почти в каждом бульварном романе младенцев похищали, меняли, и лишь по прошествии пары десятков лет похищенный каким-то чудом возвращался в свою среду, где провидение готовило ему встречу с семьей и в награду за мытарства – титул и богатство.

– Вас не похитили, вас подменили, – возвестила тетушка Томсон таким тоном, словно она была свидетельницей этого события. – Допустим, гувернантка подменила благородного ребенка на своего, чтобы обеспечить своему титул.

– Или цыгане, – включился в игру Джереми.

– Так это были цыгане! – воскликнула Томсон. – Видите, вы уже начинаете вспоминать...

– От вас ничего невозможно скрыть. Вы очень проницательны, миссис Томсон, – согласился Барнет.

– Ну, рассказывайте, рассказывайте, – потребовала она. – Я хочу знать, что было дальше.

Казалось, придуманная история жизни мистера Барнета заинтересовала ее сильнее, чем судьба похищенной племянницы.

К сожалению, Джереми ничего не приходило в голову, ведь он не увлекался бульварными романами.

– Э-э-э, я хочу проверить вашу интуицию, дорогая миссис Томсон, поэтому предоставлю вам возможность для рассказа, – вывернулся он.

Домоправительница задумалась ровно на секунду.

– Тайну вашего происхождения открыла ваша няня, когда вы стали взрослым.

– Няня?

– Ну, гувернантка, какая разница?

– Но откуда взялась няня, если меня увели цыгане? – заметил Джереми. – Может, это приемные родители?

– Цыгане? Нет! – горячо возразила несогласная с таким поворотом рассказчица. – Именно няня. Она вас обожала. Она узнала вас на улице. Она привела вас к настоящим родителям, но...

– Они даже не взглянули на меня. Да и кто заподозрит в цыганенке аристократа? – перебил Джереми. Кажется, сюжет начал его увлекать.

Он не стал обращать ее внимание на нестыковку: как могла его узнать няня, если он был похищен младенцем? Разумнее было пропустить это место и двигаться дальше, поэтому он солидно добавил:

– Скоро они умерли.

– Родители? Ах да! – сообразила она. – А этот наглец, занявший ваше место, не счел нужным с вами объясниться.

Какой наглец, откуда он взялся – неизвестно, а у Барнета не хватало фантазии для возражений, и он просто развел руками.

Миссис Томсон восприняла этот жест как одобрение и продолжила:

– Вы попытались вернуть себе состояние и положение в обществе, однако самозванец подкупил даже закон.

– Вернее, его служителей.

Джереми умирал от любопытства, куда заведет бурная фантазия его домоправительницу.

А любительница чтива добавила:

– И тогда вы стали действовать как благородный разбойник.

– Как Робин Гуд? – уточнил Барнет

– Именно! Вы стали грабить богатых...

– Чтобы помогать бедным, – устало закончил «Робин Гуд».

Концы с концами не сходились в рассказе тетушки Томсон. Она же, не замечая этого, продолжила:

– Да, чтобы помогать бедным. И однажды вы ограбили этого самозванца.

– Почему «ограбил»? Я всего лишь вернул свое, принадлежащее мне по праву рождения, – возмутился Джереми.

Кажется, он начал верить фантазиям своей кухарки. Та немного смутилась:

– Ну, я просто неудачно выразилась. Конечно, вы вернули свое, а этот тип прознал и в отместку похитил нашу дорогую Мэри.

И миссис Томсон снова залилась слезами.

Глава 30

Неожиданно в дверь постучали. Барнет и домоправительница переглянулись, и оба бросились открывать, втайне желая увидеть на пороге живую и невредимую Мэри.

«Или хотя бы весть о ней», – подумал более реалистичный Джереми.

Миссис Томсон дрожащими от волнения руками отворила замок, но вместо племянницы увидела незнакомого мальчика.

Тот протянул ей небольшой конверт и убежал, не дожидаясь чаевых и оставив обоих без объяснений.

Джереми взял конверт и осмотрел его. Обратного адреса не было, а получателем значился мистер Барнет.

– Это не ее почерк, – заявила тетушка Томсон, заглядывая сбоку. – Читайте же скорее, наверняка за Мэри попросят выкуп.

Не хочется повторяться, но руки Джереми тоже дрожали от волнения, пока он разворачивал вложенный в конверт лист бумаги.

– А, миссис Томсон, скорее! Бросайте все, бежим ловить кэб! – закричал он, ознакомившись с письмом.

– Что-то с Мэри? – спросила тетушка, в тревоге прижимая руки к лицу.

– Написано, что она в кондитерской напротив Британского музея.

– Живая? – ахнула тетушка.

– А как вы думаете, Томсон? Конечно, живая, если она нас ждет.

Миссис Томсон схватила сумочку и шляпу и уже повернулась к двери, а потом снова устала на зятя.

– Что такое? – спросил Джереми, прочитав на ее лице недоумение.

– А в письме есть что-нибудь относительно выкупа?

В письме ничего подобного не было, о чем Барнет ей с готовностью сообщил.

– Тогда непонятно, – сказала тетушка, выходя на улицу.

– Непонятно, – повторил Барнет, запирая дверь.

Они заметили Мэри, одиноко стоящую возле забора, окружающего территорию Британского музея. Джереми остановил кэб и побежал ей навстречу, пока тетушка Томсон расплачивалась и торговалась с возницей. Она предполагала вернуться домой на этом же экипаже и требовала скидку, но возница оказался упрямым и, хотя других пассажиров в обозримом времени и пространстве не наблюдалось, стоял на своей цене. Впрочем, он готов был и уступить, но уж больно интересно разворачивался спор с этой дамой.

Джереми подбежал к плачущей Мэри и заключил ее в объятия. Если бы в этот момент здесь очутились его подчиненные, то, можно с уверенностью сказать, они незамедлительно выбрали бы другого главаря. Подумать только – глаза босса увлажнились!

– Мэри, дорогая Мэри, кто это сделал? – шептал он, не выпуская ее из кольца рук. – Кто? Я посчитаюсь с ним! Я отомщу ему за каждую твою слезинку, дорогая...

– Джереми, Джереми, – повторяла Мэри, не переставая плакать.

– Все позади, дорогая, я с тобой. Идем домой. Миссис Томсон тоже здесь. Она приехала со мной.

Утешения не помогали, Мэри продолжала рыдать и не двигалась с места.

– Дорогая, ну пойдем же! Простить себе не могу, что упустил момент, когда ты исчезла. Не плачь, я больше не допущу чего-либо подобного.

Внезапно его осенило.

– Мэри, любимая, они что-то сделали с тобой! – воскликнул он, повернув ее к себе и вглядываясь в залитое слезами лицо.

Она энергично запротестовала и наконец выдавила из себя:

– Никто мне ничего не сделал...

Повисло молчание; Джереми недоумевал: похищение казалось ему бессмысленным. Причина молчания Мэри была иной – она только собиралась с мыслями, чтобы кое-что прояснить, без чего дальнейшая совместная жизнь с мужем не представлялась возможной.

– Зачем ты мне лгал, Джереми? – неожиданно спросила она. – Ведь ты мне лгал?

– Мэри, я готов за тебя жизнь отдать, а ты говоришь, что я лгу?! Идем в кэб, дома выясним все. – Он уже стал проявлять признаки нетерпения, и бедная заплаканная Мэри кивнула и пошла в сторону экипажа. Она справедливо рассудила, что не стоит скандалить на улице. Кроме всего прочего, их семейные тайны не должны стать достоянием чужих ушей.

Мэри сердечно обняла тетушку Томсон, довольную тем, что ей все-таки удалось добиться скидки, и уселась рядом с ней, почти не обращая внимания на мужа.

Джереми недоумевал: кто настроил против него Мэри? Скорее всего, это интриги проклятого Морстена, а тот может насочинять не хуже тетушки Томсон.

И лишь дома все разъяснилось...

Глава 31

– Он сказал, что его зовут Морстен, – заявила Мэри по прибытии домой.

Миссис Томсон побежала на кухню, а супруги выясняли отношения в гостиной. Мэри уже не плакала, но взгляд ее сухих глаз стал напряженным и недоверчивым. Барнет, как каждый мужчина, терпеть не мог женских слез, но сейчас предпочел бы выслушивать всхлипывания и рыдания, чем оправдываться неизвестно в чем.

– И что тебе наговорил этот подлец?

– Он сказал, что ты бандит, Джереми, а я – жена бандита. Получается, наш ребенок – бандитское отродье? Он сказал, что тебе подчиняются бандиты и воры со всего Кэмдена. Это правда, Джереми?

Мэри с надеждой посмотрела на него, и у Барнета появился шанс солгать ей, успокоить, сказать, что Морстен – его злейший враг и его словам нет веры. Возможно, именно такого ответа ждала бедняжка, но неожиданно для самого себя он признался:

– Это... правда.

И опустил голову. Мэри продолжала вглядываться в лицо мужа и шепнула еле слышно:

– Почему ты так обошелся со мной, Джереми? Если бы я только знала заранее...

– Ты не связала бы свою судьбу со мной. Что ж, это предсказуемо, но... честно.

– Джереми, как ты можешь... Я любила тебя, думая, что ты честный человек. Ты мне казался добрым, необыкновенным. Ты был добр ко мне, тетушка восхищалась тобой, а Майкл? Не каждый может взять себе сироту. А ты взял! Наш милый мальчик пропал бы на улице, если бы не ты. И что же? Выходит, твои поступки неискренни и ты притворялся все это время?

– Но почему неискренни? Что ты придумываешь? – Он попытался ее обнять, но Мэри отстранилась:

– Нет, Джереми, Морстен рассказал мне, как ты и твои так называемые клерки грабили и шантажировали, – это так противно...

– Мэри, но ты же никогда не спрашивала меня, откуда в доме деньги. Что изменилось сейчас? Ты поверила Морстену?

– Поверила. И в связи с этим заявляю, что я ухожу от тебя, Джереми. Я не могу оставаться под одной крышей с бандитом. И не позволю называть нашего ребенка бандитским отродьем.

Барнет пристально посмотрел на жену: она выглядела серьезной как никогда.

– Ах, вот в чем дело – миссис Барнет брезгают! А куда вы собираетесь уйти от меня? У вас есть деньги? Дом? Квартира? Или, может быть, вернетесь туда, откуда приехали? Нет, моя милая, я не позволю вам покинуть этот дом по одной простой причине – я за вас отвечаю.

Он произнес это, едва сдерживая ярость и недоумевая. Казалось, он делал все, чтобы Мэри была счастлива, чтобы она ни в чем не нуждалась. И что же? Пустые слова Морстена значат для нее больше, чем все старания Барнета.

Кажется, он произнес это вслух. Мэри покачала головой и сказала:

– Это не пустые слова. А насчет стараний – старается честный труженик прокормить семью, а ты...

Она смахнула слезу и повернулась к двери. Джереми в отчаянии схватил ее за рукав и прижал к себе.

– Не уходи, Мэри, не уходи, – повторял он, чувствуя ее сопротивление. – Нет, дорогая, никуда ты не денешься. Я не дам тебе по молодости лет надеть глупостей. Ты беспокоишься о своей совести и совсем не думаешь о ребенке.

Он сразу не понял, что произошло. Мэри вдруг перестала сопротивляться. Ее тело обмякло, и она повисла на руках мужа. Встревоженный Джереми взглянул в лицо любимой – оно было бледным, а над верхней губой сверкали капельки пота.

– Мэри!!! – воскликнул он в отчаянье.

– Джереми, я умираю... Больно... – прошептала она и потеряла сознание.

Глава 32

Через три часа все было кончено: Мэри родила дочь, о чем доктор с радостью возвестил домашним.

Малышка скулила и зевала беззубым ртом, лежа на руках у матери. Растроганный Джереми заглянул к ней в комнату, за ним, несмотря на протесты доктора, протиснулся Майкл.

Мэри лежала на кровати с высоким подголовьем и тяжело дышала. В лице у нее не было ни кровинки, а влажные волосы прилипли ко лбу. Она пошевелила рукой, словно хотела позвать мужа, но рука упала бессильно. Джереми подхватил завернутую в полотенце малышку и, оглядев ее со всех сторон, с чувством произнес:

– Красавица!

Майкл, стоящий у него за спиной, не согласился с ним:

– Да ты что, босс! Разве она красавица? Лысая, кривоногая. Смотреть не на что.

Новорожденная сучила ножками и складывала маленькие кулачки, не подозревая об оценке, данной юным Майклом. А мальчик пробубнил вдовавок:

– Найдется ли дурак, который на ней женится.

– Но-но-но, – запротестовал Барнет. – Много ты понимаешь... Это будет самая прекрасная, самая счастливая девочка на свете. Моя маленькая принцесса не будет ни в чем нуждаться, и женится на ней лорд, а не такой охламон, как ты.

– Больно надо, – фыркнул Майкл.

– Отдам в самую лучшую школу, каникулы в Брайтоне...

– Джереми, это дорого.

– Лучшие учителя, няня, гувернантка...

– А миссис Томсон? Разве она не справится?

– Не уверен.

Барнет хотел еще что-то добавить, но слова замерли у него на языке при виде домоправительницы. Она неслышно подошла откуда-то сбоку и, несомненно, слышала реплику Джереми.

– Дайте мне ребенка, мистер Барнет, – попросила она, сжав губы в ниточку. – Я все-таки ей не чужая.

Глава 33

Радость оказалась непродолжительной: доктор обратил внимание на неестественную бледность Мэри и попросил всех, кроме миссис Томсон, удалиться. А через час бедняжка скончалась от сильного кровотечения, не успев как следует налюбоваться на новорожденную.

Отчаяние, охватившее Джереми, было неопишным: такого удара судьбы он не ожидал!

Мэри, нежный ангел, ушла и оставила его навсегда. Он вспомнил их последний разговор, тяжелый для обоих, и ясно осознал, что Мэри так и не простила его, а он ничего не успел ей объяснить и сказать, как сильно он ее любит! Он даже не поблагодарил ее за дочь! Джереми застонал от досады на себя: вместо того чтобы обнять и поцеловать жену, он был поглощен созерцанием малышки. Он мечтал о будущем, строил планы и не заметил, что Мэри покидает его.

– Господи, за что? – терзался Джереми муками совести. – Если ты хотел наказать меня за мою несправедную жизнь, то почему пострадала моя единственная любовь? Почему ты приговорил нас к вечной разлуке без надежды вновь встретиться? Зачем я должен оставаться в этом мире без нее и влачить жалкое существование?

Очевидно, он сказал это вслух, потому что громкие рыдания тетушки Томсон и тихое поскуливание Майкла вдруг прервались и домоправительница произнесла с укоризной:

– Стыдись, Джереми, ты не можешь думать о смерти – у тебя же дочь!

Она никогда не называла его по имени, но сейчас, в минуту общего горя, это было уместно. Более того, миссис Томсон взяла ладони Барнета в свои и заглянула ему в глаза.

– У тебя дочь, – повторила она. – Ты будешь о ней заботиться, ведь это частичка нашей дорогой Мэри.

Миссис Томсон, потрясенная кончиной юной племянницы, не потеряла способность ясно мыслить. Жаль несчастную, тем более тетушка присутствовала при ее последних минутах, но жизнь есть жизнь, и новорожденной необходимо внимание, а иначе она уйдет вслед за матерью.

– Вы правы, миссис Томсон. Малышка лишилась матери, но не лишилась отца, она не почувствует себя обделенной родительской любовью. Я буду любить ее за двоих, – заявил Барнет, вытирая слезы.

– А я в свою очередь, если мистер Барнет не против, буду растить ее как свою внучку. Милая Мэри была мне родной племянницей, значит, ее дочь приходится внучатой племянницей, не так ли? – Миссис Томсон вопросительно посмотрела на Барнета, и он согласно кивнул головой.

Они скрепили свое согласие рукопожатием, и миссис Томсон заговорила с доктором, задержавшимся для выписки свидетельства, о возможности нанять кормилицу и няню. Один из подручных Барнета, все это время отиравшийся возле дома, был послан в похоронную контору.

Джереми сидел на диване в гостиной не в силах подняться. Какие-то люди заходили в дом, выражали сочувствие, чем-то занимались – он был настолько погружен в свое горе, что отвечал невпопад, а то и вовсе не слышал никого.

Скоро все стихло; тело увезли, и дом опустел. Только миссис Томсон вполголоса давала наставления нанятой кормилице.

Внезапный толчок в бок заставил его очнуться. Разумеется, это Майкл вернул босса к действительности. Джереми взглянул на мальчика с удивлением, словно спрашивая: «А, ты еще здесь, юное дарование?»

– А, ты еще здесь, юное дарование? – произнес он довольно нелюбезно. – Шел бы спать и не путался под ногами.

У Майкла от обиды показались слезы и задрожал подбородок, и Барнет устыдился.

– Прости меня, дружище, – сказал он, погладив ребенка по голове. – Я не могу осознать, что ее нет.

– Мне тоже жалко Мэри, – сказал мальчик. – Но скажи откровенно, босс, теперь, когда ее не стало, ты меня прогонишь?

Напряженный взгляд Майкла выдавал его волнение, и тут на Джереми снизошло озарение!

– Майкл, ты решил, что я взял тебя в дом для того, чтобы произвести впечатление на Мэри? А после ее кончины за ненадобностью выброшу тебя на улицу? Какой же ты свин!

– А разве это не так?

Мальчик по-прежнему не сводил с него взгляда.

– Не так! – воскликнул Джереми, а потом, понизив голос, признался: – То есть сначала я в самом деле хотел понравиться Мэри, но потом привязался к тебе, и не потому, что ты ангелочек. Ой ли, Майкл Уиллоуби, Мэри и десятой доли не знала того, что нас связывало. Ты такой, каким я был когда-то, и я не хочу, чтобы тебе пришлось пережить то же, что и мне.

– Но тогда у тебя не было этой девчонки. – Видно было, что мальчик пытается разрешить последние сомнения. – А я тебе и не сын даже, а просто воспитанник.

– А давай ты мне будешь племянник? – придумал Барнет. Он оживился, признав свою идею блестящей. – А то ты даже не знаешь толком, как ко мне обращаться. А теперь ты можешь называть меня дядя.

– Конечно, я буду называть тебя дядя, – обрадовался Майкл.

За год, что они прожили под одной крышей, мальчик успел понять характер своего благодетеля. Если криминальный босс по кличке Крот в словах и деяниях мало чем отличался от заклятого врага Морстена, то дома он преображался. Отчасти любовь к Мэри была тому причиной, отчасти – желание отключиться от творимого им на стороне и изображать видимость нормальной жизни. Первый Барнет для пользы дела мог лгать, лжесвидетельствовать и забывать собственные обещания. Второй же твердо придерживался данного слова. Успокоившись, что сиротский приют ему больше не грозит, Майкл осмелел и спросил:

– Дядя Барнет, ты уже придумал имя для девчонки?

– Придумал, – сказал тот. – Я назову мою дочь Ева. Ева Барнет. И пусть она будет счастлива.

Глава 34

Не успел Джереми прийти в себя после похорон Мэри, как новая беда подстерегла его. Впрочем, этого и следовало ожидать: слишком долго он занимался личными делами и упустил из виду Морстена.

А тот не преминул воспользоваться ситуацией.

В один прекрасный день Барнет обнаружил, что вся его «армия» переметнулась на сторону заклятого врага и фактически он уже и не босс. Чем взял их Морстен – подкупом или угрозами, а может быть, воспользовался лживыми обещаниями, – неизвестно, но победа его над Барнетом была полной и окончательной.

В Кэмдене хозяйничали люди Морстена, а паб «Веселая лошадь» превратился в новый тайный игорный дом. Магазины продолжали платить дань, но деньги текли в карман нового босса, мнившего себя криминальным повелителем над всеми районами Лондона. Барнет же чувствовал себя поверженным идолом, униженным и преданным всеми. Подумать только – те, кто еще вчера заискивали перед ним и подобострастно смотрели ему в глаза в готовности выполнить любой приказ, сегодня так же выслуживаются перед Морстеном.

Джереми понимал, что род занятий, связанный с криминалом, отнюдь не возвышает душевные качества, но, несмотря на это, пребывал в иллюзии, надеясь на подобие товарищества. Как же он ошибался! Только Майкл Уиллоуби остался верен своему Джереми.

Вскоре выяснилось, что не он один. Мици, та самая Мици, разочаровавшись в Морстене, заняла свое место в команде Барнета и не собиралась повторно испытывать судьбу. Именно она принесла дурную весть покинутому боссу.

– Что еще придумал этот негодный Морстен? Он хочет меня добить окончательно! – в отчаянии воскликнул Барнет после того, как Мици, запыхавшаяся от бега, ворвалась к нему и без предисловий заявила, что боссу грозит арест и полиция будет здесь с минуты на минуту.

– Мистер Барнет, пожалуйста, послушайте меня. Я не знаю всех подробностей, но речь шла о какой-то важной для вас бумаге. Некий мистер Хопкинс подал заявление, что вы обманом забрали у него наследство по подложному завещанию, а теперь он хочет все вернуть. Морстен предоставил ему адвоката, и тот грозитя упечь вас в тюрьму. – Мици говорила так быстро, словно лондонские полицейские гнались за ней, а не за боссом.

Миссис Томсон ахнула и всплеснула руками, а потом бросилась собирать чемодан. Милую даму не волновало, действительно ли зять был замешан в истории с наследством. Из сообщения Мици она почерпнула только то, что мистера Барнета могут посадить, и надолго, а это значит, что малышка Ева останется круглой сиротой.

– А откуда тебе это известно? – недоверчиво глядя на нее, спросил Майкл.

– Да есть у меня кое-какие старые связи, – смутилась Мици.

Она вдруг испугалась, что Джереми неправильно поймет ее и подумает о работе на два фронта, но босс находился не в том состоянии, чтобы цепляться к словам.

– Дядя Барнет, а про наследство правда? – поинтересовался Майкл.

Миссис Томсон и Мици посмотрели на Джереми с любопытством. В ожидании ответа домоправительница оторвалась от своего занятия, а Мици замерла на месте.

– Ну, было, было, – признался Барнет, – но наследство Хопкинс сам на меня переписал. Добровольно. Такова была плата за услугу, которую я ему оказал.

– А сейчас он утверждает, что это подлог, – закончила Мици.

– Было, не было – какая разница? Ваше слово против его слова, а сейчас сила на его стороне, поэтому вам нужно бежать, – рассуждала миссис Томсон. – И лучше уехать из Лондона в Шеффилд. О малышке я позабочусь.

– Спасибо, миссис Томсон, но почему в Шеффилд? У меня уже и родных-то не осталось...

Джереми глубоко вздохнул, а Мици предложила покинуть страну.

– Я никуда не поеду, а лучше найму адвоката и докажу свою правоту. Иначе мне придется бегать до самой смерти.

– Нет! – в один голос завопили дамы.

– Кажется, я смогу тебе помочь, – немного подумав, сказал Майкл.

И в это время в дверь постучали.

Глава 35

Все присутствующие дружно посмотрели на дверь. Миссис Томсон пошла открывать, а остальные в растерянности переглянулись.

– Мистер Барнет, а здесь есть другой выход? – спросила Мици.

Бедная девушка досадовала на себя, что слишком долго добиралась до босса.

Запасного выхода не было.

– А через окно? – предложил Майкл.

При этом он с сомнением окинул взглядом крепко сложенного Джереми и решил, что пролезть-то он пролезет, но с большим трудом.

– Поздно, – прошептала Мици.

В гостиную вошла миссис Томсон в сопровождении молодого человека с кожаной папкой в руках.

Молодой человек представился судебным исполнителем и спросил мистера Барнета. Джереми вышел вперед под напряженными взглядами Мици и Майкла. Домоправительница тоже не казалась спокойной. А молодой человек порылся в папке и протянул Джереми какую-то бумагу.

Барнет углубился в чтение, но чем дольше он читал, тем мрачнее становился.

– Миссис Томсон, мы должны немедленно покинуть наш дом, – заявил он, оторвав взгляд от бумаги.

– Как покинуть? О чем вы говорите, мистер Барнет? – воскликнула домоправительница. – Кто это выставит нас из собственного дома?

– Закон, – вставил свое слово молодой человек. – На жилье и имущество мистера Барнета наложен арест, пока идет разбирательство по делу наследства Хопкинса.

Потрясение было всеобщим, но лишь одна миссис Томсон сумела что-то сказать:

– Как же так? Почему арест? Где же мы будем жить? А что будет с малышкой?

Джереми судорожно сглотнул, не в силах произнести ни слова. Он был подавлен оттого, что не в силах взять ситуацию под контроль, а упоминание о дочери и вовсе лишило его сил.

– Я не уполномочен оспаривать судебные решения, уважаемая леди, – твердым голосом произнес молодой человек. – Вам дается двадцать четыре часа на то, чтобы подыскать себе новое жилье.

Он распрошлся с присутствующими, сочтя свою миссию законченной. И как только дверь за ним захлопнулась, все, кроме Джереми, заговорили одновременно.

Миссис Томсон сетовала на то, что разрыв договора с жильцами дорого ей обойдется и в настоящее время у нее нет возможности выплатить неустойку.

Мици вслух перебирала варианты, где бы Джереми мог поселиться, но при ближайшем рассмотрении ни один из них не подходил. Она вполголоса – так, чтобы не расслышала миссис Томсон, – пообещала боссу добыть денег, то есть пойти на дело, хотя бы вместе с Майклом.

Майкл высказал здравое суждение о том, что сначала необходимо позаботиться о малышке.

Глава 36

Миссис Томсон невольно прислушалась: не проснулась ли маленькая Ева? Однако девочка мирно спала в колыбельке, не подозревая о буре, настигшей ее семью.

– Можно снять квартиру в том доме, где живет кормилица, – неуверенно произнесла она. – Я слышала, там есть меблированные комнаты. Что вы думаете по этому поводу, мистер Барнет?

Увы! Джереми по-прежнему находился в прострации и не отвечал.

– Да что же такое происходит! Когда надо принять решение, он молчит! – возмутилась Мици, по молодости лет убежденная, что безвыходных ситуаций не бывает, а переживания – это от лукавого.

– Оставь в покое дядю Джереми. Если бы ты знала, какой необыкновенной была Мэри!.. Ты же никого не теряла! – заявил Майкл, а Мици нахмурилась.

Никого! Мальчик невольно напомнил ей о том, что в своей семье она считалась лишним ртом, и только дедушка Стивен относился к ней по-доброму. Семья жила впроголодь из-за того, что родители пили, а дети были предоставлены сами себе. Хрупкой Мици доставались тумачи от более сильных братьев и сестер, и она поняла, что нельзя не только быть слабой, а даже выглядеть таковой. Это был первый урок, выученный ею.

Второй урок она усвоила, путившись в одиночное плавание по жизни: ищи того, кто прикроет твою спину, – друга, покровителя, союзника. И Морстен с его безупречными мане-

рами встретился ей как нельзя кстати и очаровал ее. Глупенькая Мици, откуда же было тебе знать, что тот самый Морстен преподаст еще один урок – третий, и наигорчайший? Именно благодаря ему в твоём сердце проросло недоверие ко всем окружающим и постоянное ожидание измены.

Она даже Барнету до конца не доверяла, хотя в его команде чувствовала себя спокойно. И все-таки это не повод оставить босса наедине со всеми бедами.

– Стоп! – Мици прервала свои горестные размышления и, волнуясь, произнесла: – Я придумала, где мы можем отсидеться, а потом нанести ответный удар Магистру. У моего дедушки Стивена в Чизик-вилладж!

Снова все заговорили одновременно. Даже Джереми очнулся и попросил подробно рассказать о новом месте:

– Я к тому, удобно ли будет возить мою дочь к кормилице.

– Чизик-вилладж? Да это же пригород! От него до Кэмдена как до шотландской границы! Бедную девочку трясти в экипажах! Только не это! – возмутилась миссис Томсон. – Если кому-то еще неизвестно, младенцев кормят шесть раз в день.

В ее взгляде, брошенном на Мици, сквозило превосходство, но девушка равнодушно пожала плечами.

– А вы можете остаться в меблированных комнатах, – заявила она, поджав губы в тонкую ниточку.

– В самом деле, миссис Томсон, я оплачу все расходы на месяц, даже на два месяца вперед. Нельзя допустить, чтобы моя несравненная Ева простудилась при разъездах, – всполошился Джереми. – А мы с Майклом воспользуемся предложением Мици и переедем, пусть это будет даже сарай без крыши.

– О нет, мистер Барнет, это, конечно, не Букингемский дворец, но и не сарай без крыши. Мой дедушка сторож в местной церкви. Он и живет там же, в маленьком домике. Правда, в домике тесно, но можно устроиться на кухне.

– Я полагаюсь на ваше слово, Джереми, – с достоинством произнесла миссис Томсон. – Надеюсь, вы возьмете все расходы на себя и мы с малышкой сегодня же переедем. Я не желаю снова столкнуться с этим ужасным человеком из судейских. Подумать только – его даже не остановило то, что мы носим траур по нашей дорогой Мэри.

– Никому нет дела до наших бед, кроме нас самих, – заметил Джереми. – Может быть, займемся приготовлениями, если мы уже все решили?

Миссис Томсон согласно кивнула и вернулась к чемодану, наполовину собранному и оставленному ею на время разговора. Поколебавшись, Мици стала ей помогать. Джереми собрался заняться поисками аренды прибежища для дочери и домоправительницы, но внезапно был остановлен неожиданным вопросом Майкла:

– А нашему коту понравится на новом месте?

Глава 37

Горько покидать родной дом, да еще по причине ареста имущества, но делать нечего! Барнету было необходимо отлежаться, отсидеться и собраться с мыслями, чтобы в свою очередь нанести удар наглому Морстену. Пока он занимался устройством аренды для миссис Томсон и маленькой Евы, то сумел сосредоточиться и мобилизовать волю. Джереми лично проверил съемную квартиру на предмет удобств, оплатил проживание на два месяца вперед и помог перевезти туда вещи. Он поцеловал дочь в бархатистую щечку, сердечно распрощался с домоправительницей, клятвенно заверив последнюю, что в ближайшее время он все уладит. Но стоило Джереми остаться одному, как прежняя тоска навалилась на него с новой силой.

Мици и Майкл переругивались, собирая вещи.

– Зачем тебе теплые вещи? Ты предполагаешь навеки поселиться у моего деда? – недоумевала Мици, глядя на мальчика, аккуратно складывающего в мешок зимний жакет.

– А по-твоему, я должен подарить судейским свой жакет? – возразил мальчик. – И потом, я вовсе не уверен, что мы вернемся сюда до зимы.

– Это еще почему?

– Да потому! Ты на Джереми посмотри, тогда и спрашивай.

– Вот еще – что мне на него смотреть? Отвез миссис Томсон на новую квартиру и затосковал. Мы, конечно, без него управимся, но еще одна пара рук не помешала бы.

– Хоть бы документы сложил, – проворчал Майкл, покосившись на дверь комнаты Барнета.

Джереми резко распахнул дверь, и говорившие замолчали.

– Я слушаю очень внимательно, – сказал он, переводя взгляд с Мици на Майкла.

Мальчик стушевался и умолк: ему не хотелось ссориться с Барнетом, тем более упрекать его в чем-либо. Но Мици, резкая и нетерпеливая Мици, не собиралась делать скидку на душевное состояние босса.

– Нет, ну как вам это понравится! – вскипела она. – Его величество переживают! А то, что дочь твоя может вполне остаться и без папочки, и без денег, и без жилья, – об этом надо думать, а не переживать.

– Но меня же все покинули. А в нашем деле трудно найти подходящих людей.

– Значит, они не подходили, если так легко покинули тебя, – заключила Мици.

Часы пробили полдень, а это означало, что через час явится судейский.

– Ну что ты стоишь как столб? – набросилась она на Барнета. – Помогай! Времени совсем не осталось!

Джереми вздохнул и включился в сборы.

До Чизик-вилладж добирались в экипаже и прибыли на место часам к пяти. Деревенские улицы были пусты, и только возле входа в церковь прохаживался невысокий шуплый старик.

– Дедушка Стивен! – закричала Мици и выскочила из экипажа, едва тот остановился.

Дед и внучка, оба худые и невысокие, бросились друг к другу в объятия. Майкл отметил про себя схожесть обоих, а Джереми объяснил:

– Недалекая родня.

Оказывается, дедушка Стивен, как его по-родственному величала внучка, или мистер Уильямс, поджидал гостей, предупрежденный своей любимицей Мици. Выяснилось, что девушка накануне отправила телеграмму, пока мистер Барнет решал проблемы с арендой.

– Молоток! – похвалил ее Майкл, а Джереми одобрительно кивнул.

Церковный сторож мистер Уильямс вовсе не был против приютить гостей на неопределенное время, тем более внучка тоже предполагала пожить у него. А почему бы и нет? Стоит лето, и прихожане побогаче разъехались кто куда – в Брайтон или Бат. Кое-кто отправился в путешествие на континент. Службы идут вяло и скучно, и в такой обстановке гости будут кстати. По крайней мере, веселая озорница Мици не даст ему скучать.

Майкл стоял за спиной Барнета и прижимал к груди плетеную корзину, накрытую салфеткой.

– Вот мои друзья – мистер Джереми Барнет с племянником, – Мици представила деду своих спутников.

Она заметила прячущегося мальчика и окликнула его:

– Майкл, выйди, покажись нам.

Насупив брови, мальчик вышел вперед, и в это время корзинка в его руках затряслась и оттуда на свет божий вылез огромный рыжий толстый котяра. Впрочем, его сразу же водворили обратно, но сраженный размерами кота дедушка спросил:

– А этот тоже племянник мистера Барнета?

Домик, где обитал церковный сторож, был старый, но уютный, утопающий в зелени палисадника. Дверь открывалась в небольшую кухню, а оттуда в гостиную и спальню. Мици заняла спальню, Барнет и Майкл разместились в гостиной, а сторож устроил себе постель в кухне на деревянном диванчике. Туда же, на кухню, перебрался и кот Тим, решивший, что запах еды полезней для кошачьего здоровья.

Глава 38

Джереми сидел на скамейке возле палисадника и тупо любовался на аккуратно посаженные цветы – колокольчики, левкой, фиолетовые ирисы. Сторож здесь же подстригал садовыми ножницами зеленую изгородь. Он кивнул Барнету и вновь продолжил свое занятие. Джереми наблюдал за стариком и размышлял о жизни.

Мысли приходили какие-то бессвязные, он никак не мог сосредоточиться и придумать план борьбы с заклятым соперником.

В церкви шла служба, оттуда слышались голоса и песнопение. Джереми поморщился с досады: хотелось тишины, а вот тишины-то и не было.

Из домика вышла Мици. Она вымыла посуду после завтрака и собиралась на местный базар за зеленью. В скромном синем платье Мици ничем не отличалась от обитательниц Чизиквилладжа. В руках девушка держала кошелку, найденную у деда Стивена на кухне. Майкл увязался за ней. Мальчик держался на расстоянии от Мици, а она то и дело оборачивалась и гнала его прочь. Майкл тут же останавливался, поднимал глаза к небу и делал вид, что интересуется погодой. Джереми невольно улыбнулся, глядя на них.

Итак, предателей можно вычеркнуть, а имя им легион. Вот, даже фраза из Библии вспомнилась... Чем их купил Морстен? Или запугал? И где ошибся сам Джереми?

Он всегда лояльно относился к своим людям, сполна платил за выполненные задания и не ругал за оплошности. Может быть, в этом корень всех бед? Его люди – бандиты, а не ученики воскресной школы. Строгость присутствовала в его характере, но не чрезмерная.

«В этом-то я сваял дурака, – признал он очевидное. – Таким типам нужна сильная рука. Иного отношения они не понимают».

Однако с кем же он остался? Майкл слишком мал, чтобы воспринимать его всерьез. Он предан Джереми, искренне переживает случившееся, но помощник из него никакой.

Мици? Ну не смешите меня! Она принадлежит к той же весовой категории, что и Майкл, – ее subtilность хороша для того, чтобы залезть в форточку, а противостоять воякам Морстена ей не по силам. И вообще, она женщина, их место на кухне!

Тут Барнет невольно оглянулся, как будто кто-то мог прочесть его мысли. Мици? На кухне? Знала бы она, что думает о ней босс!

Да, но у прекрасного Эльфа, кажется, появился приятель среди его людей – Слейтер, что ли?

Как же зовут Слейтера? Вроде бы Феликс. Высокий, медлительный, но силен физически.

Мици смеялась над ним, в глаза называя трусом, на что Феликс отвечал:

– Я не труслив, я осторожен.

Итак, ребенок, женщина и увальень, не отличающийся храбростью, – вот и вся армия! Да, Джереми, так плохо тебе еще не было!

Включи воображение, бывший босс, пусть оно подскажет какой-нибудь интересный ход.

С чего все началось? С похищения миссис Барнет (у Джереми язык не поворачивался назвать любимую Мэри покойной!).

Морстен не предполагал уничтожить физически мистера и миссис Барнет. Целью закланного соперника было унижение конкурента, которое должно было продемонстрировать контраст между силой Магистра и слабостью противоположной стороны. А для этого, узнав о таких качествах юной Мэри, как честность и щепетильность, он и похитил ее. Кончина любимой остается на совести Морстена.

«На совести? Этому типу и слово такое незнакомо», – поправил сам себя Джереми.

Раскрыв глаза на занятия супруга, мерзкий интриган не предполагал, что нервное потрясение станет чрезмерным для беременной женщины, и все-таки сделал свое черное дело.

Стоп! А откуда он пронюхал о женитьбе Барнета? На венчание он не был приглашен и в церкви среди гостей не стоял.

Но не нужно обладать чрезмерной сообразительностью, чтобы понять, откуда пришли сведения к злейшему врагу. Впрочем, нет: злейший враг человека – это его болтливый язык.

Джереми буквально лопался от гордости оттого, что юная необыкновенная девушка выбрала его. И мысли не возникало, что кто-то может причинить вред такому доброму и нежному существу, как Мэри.

Его подручные тоже не делали секрета из женитьбы босса, их беседы легко могли дойти до посторонних ушей.

«Ах я ворона! Вот как приходится дорого платить за гордыню!»

Джереми приуныл: плата ему показалась чрезмерной!

И тут в голове у него прояснилось! Надо бить врага тем же оружием! Быть такого не может, чтобы, прожив на свете двадцать восемь лет, Морстен не наделал ошибок и не спрятал в шкафу несколько скелетов!

Джереми даже подскочил с места: немедленно, сейчас, сию же секунду начать сбор сведений об этом криминальном типе! Выяснить все о его золотом детстве, веселой юности и... вплоть до того, что ему подавали сегодня утром на завтрак!

И попутно Барнет получит сведения о том, действительно ли Морстен окончил Кембридж, или это он просто похваляется перед ним.

Глава 39

Джереми и Мици пропадали где-то целыми днями, а Майкл оставался предоставленным самому себе. Он не бездельничал, по мере сил помогая старику Уильямсу на кухне или в садике, однако времени для игр хватало сполна. Нашлись и товарищи, местные ребята, с которыми Майкл сначала подрался, потом помирился, потом придумал новую игру, а потом и сам не заметил, как влился в их компанию и стал своим.

Вот уже два лета подряд ребятами Чизик-вилладжа разыгрывался один и тот же сценарий, напоминающий историю войны Алой и Белой розы с поправкой на местный колорит. В действительности благородные Ланкастеры и Йорки не прятались в крапиве, не сидели в засаде в канаве и не бились деревянными самодельными мечами.

Да и зимой ребята находили себе более интересные занятия – каток, например, поэтому, отступая от исторической правды, они объявляли перемирие, и деревянные мечи валялись дома, не востребованные до следующего лета.

Откровенно говоря, игра эта уже поднадоела ее участникам, но предложить что-то новое так никто и не смог. Ребячий вожак Эдди Паркер великолепно дрался, на спор переплывал местную речку, умел фехтовать, но новые идеи почему-то не заглядывали в его рыжую голову.

Майкл Уиллоуби появился на новенького как нельзя кстати. Он довольно быстро расположил к себе ребят, затеяв игру в Робина Гуда. Первой реакцией было замешательство, а второй – недоумение: «Ну почему мы сами до этого не додумались!»

Компания снова разделилась на две команды, но теперь это были не Йорки и Ланкастеры, а ноттингемский шериф с войском против разбойничьей шайки Робина Гуда. Роли распределяли жеребьевкой, чтобы все было по-честному.

Ох, как расстроился Эдди Паркер, вытащив бумажку с надписью «шериф», но тем не менее он старался держать лицо до того момента, когда Майкл Уиллоуби показал всем свою бумажку, на которой значилось «Робин Гуд». После этого Эдди заметно поскуучнел, ведь роль отводилась до конца лета и изменить существующий порядок не представлялось возможным.

– Выходит, я должен терпеть этого выскочку до осени? – возмутился Паркер.

Масла в огонь подлило то обстоятельство, что юная особа по имени Нелли благосклонно взирала на новенького и почти не обращала внимания на Эдди, хотя еще вчера было наоборот. Как заразительно она смеялась, когда мальчики стали задевать новенького, как болела за Паркера в поединке с ним!

Оставим на время разочарованного жожака местных ребят и познакомимся с Нелли. Высокая симпатичная девочка лет десяти считалась в своей возрастной категории признанной красавицей. Взрослые не сомневались, что с такими внешними данными дочь арендатора сделает хорошую партию и не останется прозябать в Чизик-вилладже. Мальчики-ровесники искали предлог заговорить с ней, втайне влюблялись и... излечивались от этого чувства, натолкнувшись на ледяной взгляд.

Нелли не разменивалась на влюбленности мальчиков, знакомых чуть ли не с пеленок. И в самом деле, чем они могли ее удивить? Глупыми выходками и глупым смехом?

До Эдди Паркера она снисходила лишь потому, что ребята считали его главным. Главным здесь и сейчас, но если жожаком станет кто-то другой, то Нелли быстро переиграет партию.

Подруг у нее не было, кроме невзрачной соседской девочки Энни. На ее фоне красота Нелли сильнее бросалась в глаза, но наивная дурнушка не догадывалась о своей незавидной роли и гордилась тем, что такая заметная девочка обратила на нее внимание.

Энни всюду следовала за обожаемой подругой, выполняла мелкие поручения и старалась ей во всем угодить. В разговор она вступала только для того, чтобы выразить согласие с мнением Нелли. Она не задавалась вопросом, права ли подруга или нет, а просто вставала на сторону последней. В присутствии своего кумира Энни в основном молчала. Она боялась, что Нелли поднимет ее на смех за какой-нибудь случайный ляп.

Робкая неловкая Энни считалась балластом в команде, да ее и приняли лишь благодаря подруге. Таким же балластом был мальчик по имени Томас. В противоположность Эдди и другим ребятам Томас бегал хуже всех, боялся залезть на дерево, а плавать и вовсе не умел. Полный, круглый, как шарик, он не годился для рыцарских поединков, но прекрасно подходил для сидения в плену.

Его и сажали в плен попеременно за Ланкастеров и Йорков, так что унылое сидение стало привычным. Майкл Уиллоуби прервал эту унижительную тактику и взял Томаса к себе в «разбойничью шайку».

Удивление было всеобщим, и сам «вечный пленник» не поверил своим ушам, когда новоиспеченный Робин Гуд велел ему обзавестись саблей.

– Где я возьму саблю? – растерялся Томас, испугавшись, что из-за отсутствия оружия Майкл прогонит его из команды.

– Проще простого – вырезать из какой-нибудь деревяшки, – ответил Майкл.

Томас пригорюнился: делать что-то своими руками являлось для него непосильной задачей. Пусть никто не подумает, что он был никчемным бездельником, – это не так! Родителям Томаса принадлежала кондитерская в центре Чизик-вилладж, и мальчик охотно помогал им, попутно изучая тонкости кондитерского дела. Ах, если бы Уиллоуби попросил замесить тесто или приготовить крем для эклеров...

– Я не умею, – выдавил из себя Томас.

Все! Конец! Катастрофа! Не бывать ему разбойником из Шервудского леса! Сейчас Майкл скажет...

Но Майкл только пожал плечами:

– Ну, попроси кого-нибудь помочь. Ребята, у Томаса нет сабли, покажем, как сделать?

Вызвались два мальчика, а у третьего нашлась лишняя сабля.

– Вот и хорошо. Завтра начинаем, – подвел черту Эдди Паркер. – Я знаю хорошее место.

Глава 40

Шла вторая неделя вынужденного пребывания Барнета в Чизик-вилладж, и он отчаянно скучал по дочери и миссис Томсон, по уютному домику в Кэмдене и привычному жизненному укладу. Домоправительница прислала телеграмму, где сообщала, что с малышкой все в порядке и не о чем беспокоиться, но Барнет вдруг затосковал. Неожиданно Майкл составил ему компанию, вспомнив, какой счастливый год он провел в новой семье!

А теперь все рухнуло, и уже не будет так хорошо, как прежде, даже если им удастся вернуться в их дом. А Джереми говорил, что для маленькой Евы он сделает все, чтобы она росла принцессой. Малышке уже исполнился один месяц, а она продолжает прозябать на съемной квартире без красивых платьев и без игрушек.

В этом месте Майкл призадумался: он вспомнил младшего брата Джонни. С какого возраста тот стал интересоваться игрушками и стащил коня на колесиках? Все-таки, кажется, ему было больше, чем один месяц...

Пусть так, но Джонни – мальчик... Вдруг девочки начинают играть в игрушки раньше мальчиков? Ни Барнет, ни миссис Томсон не позаботились о кукле для маленькой Евы. Им и в голову не пришло купить погремушку или мячик.

Ох эти взрослые! Что бы вы делали, если бы не Майкл Уиллоуби.

Как только он принял решение добыть для Евы самую лучшую куклу на свете, тоска покинула его. Более того, в голове Майкла созрел план «великого захвата».

Несколько дней назад Робин Гуд нарвался на засаду и попытался затеряться в гуще Шервудского леса. «Лесом», согласно общей договоренности, считался пустырь, заросший таволгой и крапивой. Майкл уже успел хорошо изучить свои «владения». Он знал, что крапива жжется только наверху, а снизу стебли почти безопасные, к тому же у самой земли были проделаны в зарослях проходы в разные стороны.

Один из ходов ведет к речке, а другой – к забору, окружающему чей-то дом и сад. На всякий случай мальчик выломал доску в заборе, чтобы было где скрыться, если лучники шерифа окружают Шервудский лес.

Неожиданно проклятый Ноттингемский шериф выследил его, и защитнику бедняков пришлось спасаться бегством. Майкл уже не помышлял об исторической точности – важнее в данной ситуации не попасть в плен! А иначе что это будет за игра, если атаман сидит взаперти, а его подручные на свободе?

Он нырнул в заросли крапивы, рассчитывая на то, что «храбрые» воины туда не сунутся, ведь никому не хочется обжечься.

Однако среди противников нашлись такие упорные, что полезли во владения благородного разбойника и не обращали внимания на крапиву. Майкл слышал позади себя шуршание – не иначе, ноттингемцы поблизости и уже почти достигают его.

Он отпрыгнул в сторону забора, отодвинул доску и пробрался внутрь чужого сада. Через минуту за забором послышались возня и перешептывание. Майкл затаился, хотя прекрасно понимал, что обнаружить его невозможно, а доску он приладил обратно. Кажется, противники недоумевали по поводу его исчезновения, но никому и в голову не пришло поискать за чужим забором. Пошумев немного, ноттингемцы поползли в сторону речки.

«Спасен! – подумал Майкл. – Погода хорошая, вода теплая – наверняка они захотят искупаться».

Он решил не рисковать и отсидеться на чужой территории еще некоторое время, ведь мог кто-то отстать или шериф оставил наблюдателей. К тому же Майкл не знал, где находятся его ребята, и не мог надеяться на подмогу.

А пока шли секунда за секундой, и мальчик стал внимательно изучать обстановку.

Сад ему показался огромным по сравнению с крохотными закутками, прилегающими к стандартным двухэтажным домам в Лондоне. Такой же садик, окруженный низким забором, находился возле дома Барнета, и миссис Томсон похвально редким сортом чайных роз – единственным на весь квартал.

В саду, где он прятался, росли и розы, и жасмин, и желтая акация. Немного подальше виднелись яблони и сливы, а над небольшим прудом живописно склонились ивы. Возле пруда возвышалась беседка, а внутри нее Майкл заметил девочку.

Он насторожился, но девочка не смотрела в его сторону, она что-то бубнила себе под нос и пинала ногами мяч. Майкла охватило любопытство.

«В футбол она играет, что ли? Что ж, навряд ли она меня заметила, иначе подняла бы крик».

Мысль о том, что он терпеть не может девчонок, вынырнула, но сразу же ушла в глубину, стоило девочке обернуться (Майкл еле успел спрятаться за кустом жасмина). Она показалась ему необыкновенно красивой – тоненькая, стройная и удивительно грациозная. На губах ее блуждала улыбка, а голубые глаза взирали вокруг через озорной прищур. Девочка тряхнула длинными темными локонами, и они рассыпались по узеньким плечам.

Майкл замер в своем убежище, не в силах отвести взгляд от незнакомки. В какое-то мгновение он подумал, что девочка знает о его присутствии. Знает, но не подает вида! А чего ради она вдруг повернулась в ту сторону, где он прячется?

Окно в доме открылось, и появившаяся в нем женщина громко позвала девочку:

– Берта! Ты где? Берта! Что же ты молчишь?

– Иду, мама! – откликнулась девочка.

Не отводя взгляда от жасмина, за которым прятался Майкл, она пожала плечами, словно выражая сожаление, и, глубоко вздохнув, отправилась домой.

Майкл наблюдал за ней, пока обыкновенная входная дверь не скрыла от него эту необыкновенную девочку.

Пора было возвращаться в Шервудский лес и снова выступать в роли благородного разбойника.

Мальчик пустился в обратный путь. Ему не встретились ни друзья, ни враги, и это было к лучшему. Очарование игры померкло – его вытеснила нечаянная встреча!

Несколько дней прошли под впечатлением незнакомки – несмотря на то, что он узнал ее имя, она по-прежнему была для него загадкой. В Шервудском лесу состоялось крупное сражение, сопровождаемое криками и возгласами, и Майкл вопил громче всех в расчете на то, что любопытство заставит девочку выйти из дома. Этого не произошло, и он почувствовал разочарование.

В размышлениях о бедняжке Еве на него снизошло озарение: вот он, предлог навестить эту самую Берту. Живет она в богатом доме, наверняка у нее есть уйма игрушек, и если он попросит для Евы... Возможность отказа он не рассматривал.

Он ускользнул из дома ранним утром и снова проник в сад, рассчитывая встретить незнакомку. Она долго не появлялась, а из открытых окон доносились разговоры, стук приборов о фарфор, бой часов и даже шуршание газеты, словно кто-то переворачивал листы.

«Завтракают», – решил Майкл.

Под ложечкой у него засосало: он вспомнил, что второпях перехватил одну булочку, а овсянку так и не съел. Тетушка Томсон ни за что не отпустила бы его без завтрака, а Мици, похоже, на него наплевать: не хочешь – не надо, и уговаривать не стала!

Девочка вышла в сад, когда у Майкла уже почти лопнуло терпение. Она постояла у порога, окинула взглядом округу, при этом Майклу показалось, что на его убежище немного задержалась, а потом глубоко вздохнула и направилась в сторону беседки.

Он подкрался, прячась за клумбой и стриженными кустами, не спуская с нее глаз. Девочка сидела на скамейке с раскрытой книгой на коленях.

Читала ли она, либо о чем-то думала, но вид у нее был какой-то грустный, и Майклу расхотелось ее пугать.

Он вошел в беседку как ни в чем не бывало и спокойно поздоровался. Незнакомка удивилась, но ответила.

Майкл без приглашения уселся перед нею прямо на пол, и ее удивление возросло в разы: никто из знакомых мальчиков не поступил бы так! Ее кузены Джон и Патрик, сыновья дяди Энтони, сначала спросили бы разрешения сесть, потом поискали бы скамейку, а этому хоть бы что!

В беседке, конечно, чисто, но не настолько, чтобы рассиживать на деревянных половицах! Ну вот, этот тип уже и брюки свои запачкал! Дикарь, настоящий дикарь! И откуда он взялся?

– А ты кто? – спросила девочка.

– Я? Майкл Уиллоуби!

Он произнес это с такой гордостью, будто представился: «Я – принц Уэльский!»

Девочка презрительно фыркнула:

– Я не собираюсь с тобой знакомиться. Я хочу знать, кто ты и что тебе здесь нужно? Отвечай, а то я позову своих домашних!

– Ой! Не надо! – Он изобразил испуг и задрожал, сжавшись в комочек, при этом губы его улыбались, и, казалось, еще немного – и он захохочет во весь голос.

– Ты что, издеваешься надо мной? – Она, в свою очередь, обиделась и громко позвала: – Мама!

Улыбка сползла с лица мальчика. Настала его очередь презрительно фыркнуть:

– Чуть что – сразу маму зовет! Ты еще и папу позови, и старших братьев.

– У меня нет папы. И братьев нет.

Она произнесла это так печально, что Майкл невольно посочувствовал ей.

– Мы с ребятами играли здесь на пустыре, и я случайно увидел тебя. Ты все одна и одна, и я решил пригласить тебя к нам в игру.

– К вам? Играть?

Она замолчала от изумления и, подумав, отрицательно покачала головой:

– Меня не отпустят...

– Да мы же никуда от дома не уйдем! Мы собираемся здесь, на пустыре. Хочешь, я попрошу моего дядю поговорить с твоей мамой?

Она снова покачала головой:

– Мама, возможно, и отпустит, а мамин муж – ни за что!

Глава 42

– Меня зовут Берта, – представилась она, хотя прежде не хотела знакомиться.

– А я случайно знаю, слышал, как мама звала тебя из окна.

– Так ты раньше бывал здесь и наблюдал за мной?

Майкл обреченно кивнул; сейчас она рассердится, прогонит его и... он больше не осмелится пробраться к ним в сад.

Но девочка лишь улыбнулась снисходительно и заявила, что догадывалась об этом.

– Ты прятался там, возле забора.

– Верно, – согласился он, – но как ты догадалась?

– А ты шуршал как медведь.

Мальчик неожиданно смутился: какой же он после этого Робин Гуд, если не умеет двигаться бесшумно? И все-таки он повторил приглашение вступить в игру. Расписывая яркими красками происходившее действие, Майкл старался заинтересовать девочку. Хорошо, если бы она оказалась в его команде, а роль ей можно придумать.

– Он запрещает мне выходить за пределы сада, – вздохнула Берта. – И, если я ослушаюсь, он меня накажет.

– Кто? – возмутился Майкл.

– Я же сказала, мамин муж, лорд Д.

Жизненный опыт юного Уиллоуби был не настолько богат, чтобы он смог разобраться в ситуации самостоятельно, и Берта посвятила его в события, произошедшие в семье Мак-Доуэлл в последний год.

– Он мне сразу не понравился, этот лорд Д. Только кто меня послушает? Он стал бывать у нас, а когда закончился траур, они с мамой обвенчались.

– Он тебя бьет? – предположил Майкл.

– Нет, что ты! За плохое поведение он лишает прогулок и книг.

– То, что тебя не пускают на прогулки, это плохо, но почему ты так переживаешь из-за книг?

– Ты разве не любишь читать?

Майкл смутился и от смущения стал вертеться на месте, раскачиваясь и строя гримасы. Он хотел отвлечь Берту, чтобы скрыть очевидный факт: читать он не любит, но, кто знает, возможно, после его признания девочка не захочет с ним разговаривать.

А Берта все поняла. Неожиданно для себя она перевела разговор на другое, а потом предложила сначала поиграть в беседке в шахматы, а после полудня присоединиться к местным ребятам.

– Присоединиться? – недовольно переспросил Майкл. – А ты знаешь, что я у них самый главный и без меня дело не пойдет? Я же Робин Гуд!

– Хвастун ты, – улыбнулась Берта.

Майкл хотел было обидеться, но вдруг согласно кивнул.

– Есть такое дело! – воскликнул он.

Внезапно у него засосало под ложечкой, и он угрюмо попросил:

– А ты можешь принести чего-нибудь с кухни?

– Ты голоден?

– Ага, проголодался, пока ждал тебя.

Берта послушно побежала в дом и вскоре принесла булочки, кусок бекона, несколько печеных картофелин и куриную ножку. Все это богатство лежало на бумажных салфетках в коробке для сэндвичей.

– Кухарка постаралась. Я же за завтраком ничего не ем, – заявила она.

– Почему? – удивился Майкл, потянувшись к коробке.

Берта и сама не знала почему. Может быть, хотела, чтобы ее уговаривали?

– Присоединяйся, – предложил Майкл. – Будем играть до вечера.

Он сидел на полу беседки, и Берта уселась с ним рядом; на дорогое нарядное платье ей было наплевать.

Глава 43

Итак, со времени гибели мистера Мак-Доуэлла минул год, и его вдова поспешила связать себя узами брака с лордом Д., которого в определенных кругах называли Порочным Лордом. Ей, конечно, не было известно об этом прозвище, а также о том, какую роль сыграл «любезный сосед» в трагедии, произошедшей с ее мужем. Напротив, лорд стремился показать вдове немногие привлекательные стороны своей натуры и преуспел в этом.

Зададим себе вопрос: а зачем это нужно было лорду? Какого черта он часами просиживал в гостиной миссис Мак-Доуэлл, поддерживая беседу и вынося косые взгляды младшей из девочек, Берты Мак-Доуэлл?

Причин было несколько. Первая – самая простая и понятная: лорд хотел таким образом упрочить свое финансовое положение, ведь его дела шли хуже некуда. Он полагал управлять всем имуществом Мак-Доуэлликов, расплатиться со своими долгами и жить дальше, не мучаясь совестью и позволяя себе маленькие радости.

Как только обрисовалась первая причина, не замедлила появиться и вторая. Лорд Д. поймал себя на том, что визиты к Мак-Доуэллам не напрягают его, а доставляют удовольствие. Покопавшись в себе, он с удивлением обнаружил, что Каролина Мак-Доуэлл, сорокалетняя матрона и мать трех дочерей, вызывает в нем симпатию, которой он не может и не хочет противиться.

Это чувство было так ново и неожиданно, что Порочный Лорд опешил.

А Каролина не догадывалась ни о чем, приписывая его частые посещения дружескому участию. Она держалась с ним приветливо, без намека на кокетство, которое в данных обстоятельствах вряд ли было бы уместно. Естественность манер Каролины выбивалась из общего ряда принятого в свете поведения, но в глазах лорда поднимала ее выше остальных дам.

К тому же у вдовы обнаружилось еще одно несомненное достоинство – деловая хватка.

Проживая в тени мужа, Каролина не думала об управлении финансами, землей, домом. Все эти вопросы являлись прерогативой мистера Мак-Доуэлла, он заботился о том, как приумножить семейный капитал, позволяя жене любые траты.

Первое же столкновение с реальностью, когда родня со стороны покойного мужа приняла усилия лишить ее и дочерей наследства, заставило вдову бороться.

Впоследствии на нее навалились хозяйственные дела, которые хочешь не хочешь, а решать надо, и Каролина с головой погрузилась в незнакомый ей прежде мир семейной экономики.

Напрасно служащие банка смотрели на нее снисходительно, когда она с необыкновенной дотошностью разбирала каждую строчку предоставленного ей финансового отчета. Напрасно арендаторы пытались обмануть ее, полагаясь на невежество в денежных делах.

Миссис Мак-Доуэлл оказалась прилежной ученицей. Не прошло и трех месяцев, а она уже полностью овладела ситуацией, так что больше не находилось желающих обмануть хозяйку. Дошло до того, что «друг семьи» лорд Д. несколько раз воспользовался советами Каролины относительно денежных вложений.

Теперь стала оформляться третья причина привязанности лорда: женившись на ней, он мог бы со спокойной душой доверить жене свое расстроенное хозяйство. Возможно, у Каролины хватит сил довести его до ума. Сам же лорд предпочитал роль стороннего наблюдателя.

Исподволь на свет божий вылезало кое-что, грозившее помешать лорду в осуществлении планов. Это был тот самый Морстен, подпольный король игорного бизнеса в Лондоне, которому Порочный Лорд поставлял клиентов для игры. После гибели мистера Мак-Доуэлла лорд

затаился, испугавшись полицейского расследования, а потом после долгих раздумий принял решение отойти от дел.

И действительно, зачем ему рисковать за жалкие проценты от Морстена, когда у него на кону козырная дама в лице Каролины Мак-Доуэлл?

Похоже, Морстен так не думал. Он периодически напоминал о себе, встречаясь с лордом внезапно в разных местах. Лорд дрожал как осиновый лист, куда Морстен указывал на последнюю оплошность, связанную с мистером Мак-Доуэллом.

– Вы мне обещали большой куш, лорд, и где же обещанное? – спрашивал его мучитель. – Считайте, что это вы мне проиграли, приведя неподходящего клиента.

– Но как же я расплачусь? Я не смогу усадить за карты вдову! – восклицал лорд в отчаянии, но на Морстена не действовало его отчаяние.

– Как хотите и что хотите, мне нужны деньги, а не ваши оправдания.

Однажды лорда осенило: он представит Морстену ситуацию с женитьбой как желание расплатиться.

– Я женюсь на вдове, получаю имущество и переписываю на вас, – пообещал лорд.

Взгляд всемогущего Морстена сверлил, жемчужная булавка зловеще сверкала, но лорд выдержал все, и преступный король ему поверил.

– Через месяц после свадьбы, – заключил тот.

– Мне нужно полгода, – возразил осмелевший лорд. – Документы не успеют подготовить.

Сошлись на трех месяцах.

Прошел месяц, и новобрачный стал настойчиво уговаривать супругу поехать в путешествие на континент. Берту решили взять с собой. Супруга дяди Энтони согласилась присмотреть за Джейн и Элизой в Лондоне.

Глава 44

Барнет пил чай в компании старого Стивена и Феликса Слейтера, приехавшего в Чизиквилладж по просьбе Мици. Она уже сервировала столик в саду и вернулась в дом за печеньем и сэндвичами. Из небольшой гостиной послышался бой часов – ровно пять.

– Сколько живу на свете, а такого лета не припомню, – первым нарушил молчание Стивен. – Вот уже вторую неделю ни одного дождя. Мои розы сохнут от жары.

– Дедушка, я их поливаю каждый день! – возразила Мици.

Она стрельнула глазами в сторону Слейтера, но тот полностью сосредоточился на сладком печенье.

Нет, как вам это понравится? Этот увалень ездит сюда не для того, чтобы полюбоваться неземной красотой Мици, а полакомиться чем-нибудь вкусненьким на файф-о-клоке?

Да и остальные тоже... Мици все утро возилась с тестом и противнями, пекла печенье, а ее кулинарные изыски так никто и не похвалил?

«В следующий раз обойдутся без печенья. Подаю хлеб с маслом – и будет с них!»

Старый Стивен снова упомянул о погоде, затем о видах на урожай, затем о странных привычках нового викария. Остальные молча кивали, с нетерпением ожидая, когда же он, наконец, уйдет по своим делам. Джереми до зарезу надо было посеCRETничать с Мици и Феликсом.

Вздых облегчения послышался, как только Стивен, кряхтя, отправился в церковь.

– Выяснили что-нибудь? – спросил Джереми без предисловий.

Феликс молча кивнул, а Мици затараторила:

– Морстену не удалось бы перекупить твоих людей, Джереми, если бы не Эшли. Ну, эта троица вечно всем недовольных громил – Эшли, Браун и Смит. Эшли – такой с залысынами и противными липкими ладонями.

– Да, я их помню прекрасно.

– Эшли сам пришел к Морстену. Он давно мутит у нас воду, говорил, что всю грязную работу делают они, а денежки текут в твой карман.

Барнет задохнулся от возмущения: какое нелепое обвинение! Он платил каждому по договоренности, никогда не задерживал платежи. Кроме того, накладные расходы – получение нужных сведений, подкуп должностных лиц. Да что там говорить! Если бы не природная расчетливость Джереми, организация уже давно обанкротилась бы!

Мици и Феликс переглянулись и заулыбались: эта «природная расчетливость» была обыкновенной жадностью.

– Морстен посулил им золотые горы, а эти трое и сами клюнули, и других завели. Некоторые теперь локти кусают, – сказал Феликс, проглотив печенье.

– Ты бы позвал их обратно, Джереми. Уверена, для них это будет хорошим уроком, – добавила Мици.

Лицо Барнета застыло, словно каменная маска. Слишком много он пережил унижений от своих так называемых товарищей, чтобы забыть все одним махом. Кроме того, над ним висело судебное разбирательство, инициированное проклятым Морстенем.

– У Морстена есть одна тайна, и он многое отдаст за ее забвение.

Каменная маска сползла с лица босса, уступив место заинтересованности.

– Как известно из записи в церковной книге, отцом Чарлза Эдварда Морстена был сэр Джеймс Морстен. Ему принадлежало поместье Олуэнфилд, графство Девоншир. Матерью...

Джереми нетерпеливо перебил Мици:

– Ну зачем нам углубляться в его родовое дерево? Полагаю, его предки несколько раз перевернулись в фамильном склепе от того, что вытворяет их далекий потомок.

– Не торопись, Джереми, – предостерегла босса Мици. – Сэр Джеймс Морстен происходил из пары близнецов, у него был брат Сайрус. Так вот, судя по церковной записи, Джеймс появился на свет на двадцать минут раньше Сайруса. В соответствии с этим он признан старшим и поэтому унаследовал Олуэнфилд после кончины родителей.

На лице Джереми отразилось недоумение:

– К чему ты клонишь? С наследством что-то не так?

– Все не так! – воскликнул Феликс. – Этот папочка Джеймс был еще тот типус. Понятно теперь, в кого сыночек уродился.

– Роды были тяжелые, и к миссис Морстен пригласили врача из города, – продолжала Мици. – Все разрешилось благополучно, и доктор уехал, получив солидный гонорар. Так вот, в журнале доктора сохранилась запись, из которой следует, что именно Сайрус родился первым.

– Я, кажется, понял: согласно закону о майорате, первенец наследует землю.

– Именно! Джеймс унаследовал семейное гнездо, а его брат-близнец остался ни с чем. Теперь это поместье перешло к нашему зачатому другу.

– И что же Сайрус? Почему он дал себя обмануть?

– Он рано умер, оставив малолетнего сына. Пока семья приходила в себя после внезапной кончины молодого человека (Сайрусу едва исполнилось тридцать), его безутешный братец уже подсуетился насчет наследства. Вдове, вероятно, задурили голову, а малолетку вообще в расчет не принимали.

Некоторое время Барнет молча сидел в раздумье. То, что он узнал, вполне соответствовало действительности. И несмотря на это, сомнения не покидали его.

– Допустим, это правда, – сказал он, переводя взгляд с Мици на Феликса. – Но чем наши догадки помогут нам прижать Морстена? Одни слова ничего не стоят. За подобные обвинения я не дам и пенни.

Вальяжный Феликс снисходительно улыбнулся:

– Обижаешь, Джереми. Мы с Мици хоть молоды, но понимаем, что слова надо подкреплять доказательствами. Момент!

Он кивнул Мици, и та побежала в дом, а через минуту вернулась с папкой бумаг.

– Это заверенные нотариусом выписки из церкви Олуэнфилда и из журнала доктора Джереми, ты нам должен почти двести фунтов за поездку.

– С этими бумагами ты можешь обратиться в суд, – дополнил Феликс.

«Нет, я не буду обращаться в суд, – подумал Джереми. – Я продам их Морстену».

Глава 45

На Лондон опустились сумерки, и в свете газовых фонарей прохожие спешили по своим делам. На Пикадилли допоздна были открыты дорогие магазины и рестораны, возле театров то и дело останавливались экипажи: публика спешила на вечернее представление. В заведениях попроще – пабах и дешевых кафе – тоже яблоку негде было упасть, и официанты сбивались с ног, разнося пинты пива или стаканы крепкого виски.

Человек по имени Джон Блейк заглянул в «Веселую лошадь» и застыл в дверях. Он искал глазами того, кто его пригласил, и наконец заметил Барнета. Тот, не сводя с вошедшего напряженного взгляда, кивком пригласил его следовать за ним и, пока Джон Блейк раздумывал в некотором замешательстве, нырнул в боковую дверь, по цвету почти не отличимую от стены. Гость поспешил за ним.

Они очутились в маленьком закутке, где хозяин заведения хранил всякий хлам. Впрочем, здесь помещался столик и два табурета, что обеспечивало минимальный комфорт, который был компенсирован отменным пивом и замечательными сэндвичами с копченым угрем.

Джон Блейк, чувствуя себя хозяином положения, уселся первым и молча приступил к еде. Барнет пожал плечами и сел рядом.

За стеной шумели посетители, а наши двое не обменялись и парой слов. Наконец сэндвичи закончились, Джон Блейк вытер губы и лениво спросил:

– Зачем ты меня звал, Крот?

Джереми пристально посмотрел на визави:

– Мы знакомы много лет, Джон, и я обращался к тебе, только когда сильно прижимало. И сейчас такой случай...

Джон, хотя я не поручусь, что имя это было дано ему при рождении, презрительно сплюнул.

– Говорят, Магистр переиграл тебя? Его люди болтали, что ты бежал из Лондона без единого шиллинга в кармане.

Наступила очередь Джереми сплунуть, и он проделал это с неменьшим презрением.

– Джон, с каких пор ты считаешь деньги в чужом кармане? Боишься, что не рассчитаешься?

– Нет, не боюсь, Крот. Давай ближе к делу. Магистр празднует победу, а ты – адмирал без флота. Твой-то под чужим флагом ходят.

– Мы уже подошли к делу. Мне нужны три жизни.

– Три? Магистр – раз...

– Я не Магистра имел в виду, – перебил Барнет.

Джон Блейк остался невозмутимым.

– С Магистром у меня свои счета, – продолжал Джереми. – Я сам до него доберусь, когда придет время. Мне нужна жизнь предателей.

Джон Блейк усмехнулся:

– О чем ты говоришь, Крот? Тебя предали все!

– Все – это тупые бараны, которые пошли за нерадивыми пастухами. Какой спрос с баранов, Джон? С них можно снять прилично шерсти, прежде чем пустить на мясо. А вот пастухи... Негоже оставить их безнаказанными.

– Ладно, убедил. Только, Крот, без шуточек – деньги вперед.

Блейк сурово сдвинул брови, словно хотел сказать, что мы, мол, наслышаны о твоей жадности, дражайший, и не сделаем тебе скидку на бедность.

Барнет же, наоборот, удивленно поднял брови, и это означало: «Не верьте сплетням, любезный, на хорошее дело я ничего не пожалею!»

Они торговались, как на восточном базаре, и если Джон Блейк пытался запугать Барнета, то Джереми, несмотря на то что прекрасно знал о роде занятий своего визави, вел себя так, будто речь шла о покупке овощей.

– Я тебя прирежу, Джереми, если мы не договоримся! – вырвалось у Блейка после того, как тот предложил бессовестно низкую цену.

Брови Барнета снова взлетели наверх.

– Что ты кипятишься, Блейк! Другой цены не будет: работа ерундовая, с ней справится любой лондонский мальчишка! Ну, набавлю за каждого фунтов по десять.

Три раза Блейк вставал из-за стола и порывался уйти, и всякий раз Джереми задерживал его, предлагая новую цену. Три раза посетители паба замирали от криков, доносящихся неизвестно откуда, и три раза хозяин паба успокаивал их, говоря, что кричат в соседнем парке.

Они договорились внезапно, и Джереми протянул собеседнику конверт с авансом.

– Мне нужны фамилии, – коротко сказал тот.

– Эшли, Браун, Смит, – ответил Барнет.

Фамилии предателей отставной босс произнес так торжественно, что в голове у Блейка всплыли слова библейского пророчества: «Мене, текел, упарсин...»

Глава 46

Джон Блейк, наемный убийца, наводил ужас на жителей Лондона. О делах его толковали и посетители элитных клубов, и обитатели столичного дна. Его имя было известно немногим, и лишь единицы знали, как с ним связаться в случае нужды. Он не испытывал жалости к тем, кого за солидную плату лишал жизни, – работа есть работа, а ее он выполнял усердно, идя навстречу пожеланиям клиентов. Жил он скромно, не привлекая внимания ни полиции, ни соседей. Последние не могли похвастаться, что заметили за молчаливым жильцом нечто предосудительное.

И все же этот скромный лондонец разрубал одним ударом узлы в хитросплетенных человеческих отношениях. Словно тень бродил он по улицам, смешиваясь с толпой, тщательно обдумывая свои действия.

Он был осторожен и ни разу не попался полиции. Более того, у вездесущих детективов Скотленд-Ярда не имелось никаких материалов, изобличающих его. Джон Блейк представлял большинство заказанных ему смертей как несчастный случай или самоубийство. Изредка ему приходилось демонстрировать именно насильственную смерть, однако его злой ум придумывал ловкую комбинацию, как отвести подозрения от себя, навесив груз улик на кого-нибудь другого.

Заказ Барнета являлся для него рутинной: заклеянные боссом как предатели давно уже были у полиции постоянной головной болью. А скажите мне, кто не захочет от нее избавиться? Лишь одно но заставляло Блейка напрягаться: первое дело должно было и выглядеть убийством, без всяких маскировок!

Выследить троицу не составило труда: они уже почти не показывались в «Веселой лошади», а коротали вечера в «Пьяном щенке», бывшем негласной резиденцией бандитов Морстена. По их мнению, эта забегаловка не могла иметь никакого сравнения с их прежним местопребыванием: и пиво несвежее, и еда чуть подогретая, да и старые бойцы Морстена избегали новичков. Кто-то удивлен? Я – нет! Скажите, где, когда и в какие времена любили пре-

дателей? Расположившись в углу зала, они наблюдали за происходящим и отчаянно скучали. Не однажды в их головы приходила мысль вернуться в знакомый паб, но ничего не поделаешь – положение обязывает доказывать лояльность новому хозяину, мозоля глаза ему и его людям.

Джону Блейку пришлось наливать чай в кондитерской напротив, наблюдая за скучными лицами троих приговоренных. Начать он решил с Эшли.

Светлый летний вечер сменился ночными сумерками, прохладный бриз дул с Темзы, а веселье в пабе обещало затянуться на всю ночь. Блейк приуныл: кондитерская закрывалась, а выпитый чай (пинта, не меньше!) требовал выхода. На его счастье, его подопечные намеревались завершить скучный вечер и, рассчитавшись, разошлись в разные стороны.

Эшли шел по Сеймур-плейс в сторону Джордж-стрит. Он пошатывался при ходьбе и сохранял равновесие, размахивая руками. Редкие в этот поздний час прохожие шарахались от него, но продолжали идти, не оглядываясь.

Джон Блейк преследовал Эшли, скрытый ночной темнотой и сгустившимся между домами туманом. Звуки шагов преследователя и преследуемого сливались, и нагруженный алкоголем мозг Эшли воспринимал их как единое целое. Он не чувствовал надвигающейся опасности, подобно неосторожной дичи, ступившей на территорию хищника.

Эшли раздумывал о том, что все познается в сравнении, что обещанные Морстеном золотые горы на поверку оказались мусорными кучами и что для Морстена и его людей они навсегда останутся чужими. Ах, если бы можно было переиграть, но бывший босс повержен не без их помощи, а скотина Магистр попросту использовал их...

Поток мыслей подвыпившего Эшли был прерван еле слышным выстрелом, заглушенным громким цокотом лошадиных подков проезжающего мимо экипажа. Блейк быстрой тенью скользнул в плохо освещенный переулок и исчез. А шатающийся Эшли неловко взмахнул руками и бездыханный рухнул на тротуар.

Глава 47

В то время пока взрослые занимались своими неотложными делами, Майкл, предоставленный самому себе, чувствовал себя словно школьник на каникулах. Он убегал из дома рано утром и целый день носился по окрестностям в компании знакомых нам ребят. Игра в Робин Гуда продолжалась с вариациями, не предусмотренными ни историей, ни литературой. К всеобщему огорчению, Шервудский лес перестал существовать: крапиву скосили, и прятаться стало негде.

По счастью, у Томаса нашлась старая лодка, и благородные разбойники немедленно превратились в благородных пиратов.

Эдди Паркер оставался ноттингемским шерифом, а славный город Ноттингем волшебным образом переехал из центра острова на морской берег (ребята договорились между собой, что Ноттингем будут представлять заросли камышей и склонившаяся к воде старая ива).

Из перипетий происходивших сражений можно было бы составить отдельную книгу приключений. В конце концов Эдди Паркер построил плот и вышел со своей командой в «море», а «благородные пираты» овладели крепостью шерифа, и Ноттингем «понарошку» превратился в английский Порт-Ройал – пиратскую столицу.

Крики и смех ребятни до вечера оглашали окрестности, и лишь с наступлением сумерек все с сожалением расходилось по домам, чтобы назавтра продолжить играть «с того же места».

У Майкла Уиллоуби была тайна, тщательно хранимая от посторонних, и имя этой тайне – Берта Мак-Дуэлл. Ему до сих пор не удалось уговорить ее присоединиться к игре – видимо, на нее действовали запреты лорда Д., поддержанные матерью. Девочка по-прежнему проводила время в саду, однако неожиданно ей разонравилась уютная беседка, и для игр она выбрала отдаленный уголок в купе деревьев, скрытый от посторонних глаз разросшимся жасмином.

Как бы ни складывались дела на пиратской посудине, Робин Гуд находил возможность сбросить разбойничью личину, превратиться в Майкла Уиллоуби и навестить Берту.

Берта тоже никому не рассказывала о новом знакомом, будучи уверенной, что ни один из членов семьи его не одобрит. Сестры посмеются над ней, а мама и лорд запретят ей видаться с Майклом потому, что этот мальчик «не нашего круга».

Но почему Берта обязана скучать в обществе детей из «своего круга»? Берта дружила с одноклассницами и девочками из соседних домов, но разве сплетни за глаза и обсуждение новых веяний моды и есть дружба? Ни то ни другое не интересовало Берту, и она постепенно отделилась от них.

С мальчиками дело обстояло еще хуже: сыновья дяди Энтони, Джон и Патрик, почти не замечали кузину, когда родители приводили ее к ним «поиграть». Оба взирали на нее с нескрываемым высокомерием, словно спрашивая: «И зачем нам навязали эту девчонку?» В присутствии Берты кузены моментально переходили на французский язык, который изучали в школе, и, кто знает, возможно, пользуясь ее незнанием, критиковали ее внешность и характер. В такие минуты девочка чувствовала себя полной дурой, поэтому старалась сократить общение с противными кузенами, пока они гостили у них в Чизик-вилладже.

Майкл Уиллоуби выгодно отличался от остальных знакомых ей детей тем, что постоянно придумывал разные штуки. Казалось, он просто не умеет скучать, и из его головы потоком шли идеи, а изобретенные им каверзы и игры были столь необыкновенны, что приводили Берту в восхищение. Например, постройка шалаша в зарослях акации, ловля красивых изумрудных жуков или обстрел друг друга колючими шишками репейника. Берта возвращалась домой чумазая, с репьями в волосах и на платье, но ни ворчание прислуги, ни упреки матери не могли повлиять на ее приподнятое настроение. А потом были шляпы из широких листьев лопухов, перепрыгивание через канаву на спор и, наконец, лазание по деревьям.

Майкл давно изучал растущий возле дома ветвистый дуб, прикидывая, как можно использовать его в игре. Он годился на роль многоэтажного доходного дома, старинного замка или одинокого маяка в бурном море. Правда, Берта предупредила, что дерево хорошо просматривается из окон второго этажа. Она поглядывала на дерево с опаской, заметив искорки в глазах мальчика, означающие новую задумку.

– Майкл, я не умею лазить по деревьям, я упаду непременно, – взмолилась Берта. – К тому же разорву новое платье и туфельки.

Мальчик недовольно посмотрел на голубое муслиновое платье подружки и светлые туфельки, сшитые на заказ:

– А попроче у тебя ничего нет? Послушай, так нельзя! Либо ты сидишь и караулишь свое платье, либо мы играем дальше! Ты даже не пробовала залезть на дуб, так откуда ты знаешь, что не сумеешь?

Он рассердился и не пытался это скрыть, и Берта со вздохом согласилась.

Оказывается, в этом занятии не было никаких особых хитростей – становись на утолщения или уступы коры и хватайся руками за ветки! Берта поздравила себя с первой победой, усевшись на нижний толстый сук. Майкл, будто ловкая обезьянка, вскарабкался выше и подбадривал Берту:

– А ты говорила, не сможешь! Давай еще выше!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.